

Найти, влюбиться и отомстить

Татьяна
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

Найти, влюбиться и отомстить... Всего за месяц жизнь моя сделала крутой поворот, и мне предстояло все это испытать и пережить. А началась история страшно и странно... Рука в черной кожаной перчатке легла на шею подруге, глаза Веры удивленно расширились, и... связь по скайпу прервалась. Вера была обыкновенной девушкой с обычной жизнью. Ни у кого не имелось, как мне казалось, ни малейшего повода желать ей смерти. Но ее убили. Следствие зашло в тупик. Я и Владан Марич, «специалист по трудноразрешимым проблемам», начали вести собственное расследование. Вскоре выяснилось: не так уж хорошо я знала единственную подругу. А тот факт, что Вера встречалась с моим мужем, хоть мы и расстались с ним, причинял боль. Лучшие подруги, у которых свои секреты. Я ведь тоже не рассказала Вере, почему на самом деле год назад ушла от мужа...

Татьяна Полякова

Найти, влюбиться и отомстить

Сданные нам карты сменить нельзя, но разыграть их можно по своему усмотрению.

Р. Пауш

Когда мне было десять лет, я однажды ночью отправилась в одиночестве бродить по городу. Девочкой я росла домашней, под неусыпным маминым контролем, папа, впрочем, тоже вниманием меня не обделял. На свет я появилась на двенадцатый год их совместной жизни, после многочисленных и, увы, безрезультатных попыток завести ребенка. Мама ездила по монастырям, разуверившись в медицине, а папа утешал ее, как мог, ни на что уже не надеясь. В медицине он тоже разуверился, а, будучи атеистом, на милость Господа особенно не рассчитывал. Однако по настоянию мамы неоднократно к святым местам ездил вместе с ней. После одной такой поездки я и появилась на свет. Не только мама, даже отец решил, что это чудо. Огромная радость родителей быстро сменилась тревогой: ребенком я росла болезненным, точно магнит, притягивая всевозможные инфекции. Мама ушла из жизни очень рано, и в этом, наверное, была моя вина, по крайней мере, я не раз думала об этом. Вечное беспокойство, бессонные ночи и не проходящее тревожное состояние, точно она каждую минуту ждала от судьбы подвоха, свою роль, безусловно, сыграли. В сорок восемь лет у нее обнаружили рак, а через полгода она умерла.

Но когда мне было десять, мама еще была рядом, и представить свою жизнь без нее я попросту не могла, хотя, как большинство детей в этом возрасте, чрезмерной опекой начала тяготиться. Родителей я очень любила, что не мешало мне иногда завидовать подруге Вере, у которой мама то и дело уезжала в командировки. Она оставляла ее на попечение соседки, которая особо в ее жизнь не вмешивалась, лишь бы Верка в восемь вечера была дома и не забыла поужинать. Я завидовала подруге, а та завидовала мне, потому что никого, кроме мамы, у нее не было, оставаться по ночам одна она боялась, а сказать об этом матери не решалась, чего доброго та начнет переживать и откажется от командировок. Мать Веры вечно тряслась из-за страха лишиться работы, постоянно повторяя с отчаянием в голосе: «На что мы будем жить?»

Верину проблему мы решили довольно просто: я предложила ей жить у нас, когда ее мама уезжает. Мои родители охотно согласились.

Те времена можно смело считать самыми счастливыми в моей жизни. Учились мы в одной школе, хотя и в разных классах, Вера была на три года старше. После уроков шли ко мне, быстро делали домашние задания и могли вволю предаваться своим незатейливым играм.

Наша дружба с годами только крепла, что неудивительно. Моя подруга, добрая и веселая, была еще и невероятной фантазеркой. На месте ей не сиделось. Мы мечтали о путешествиях, необыкновенных приключениях, но меня даже в летний лагерь никогда не отпускали, а вот Верку отправляли туда на все лето. По этой причине лето я ненавидела.

Мне исполнилось десять лет, когда мы переехали из трехкомнатной квартиры в просторный дом, что ни малейшей радости у меня не вызвало. Находился он в пяти

троллейбусных остановках от нашего прежнего жилища, в другую школу меня переводить все-таки не стали (я заливалась слезами, стоило маме лишь упомянуть об этом), но Верку ко мне теперь отпускали неохотно, за исключением тех случаев, когда ее мать отбывала в командировку. Как на грех, ее повысили в должности, и командировки становились все реже. Вечерами мы с Веркой подолгу болтали по телефону, лелея глупую мечту, что, когда вырастем, непременно будем жить вместе, и никто не сможет этому помешать.

Мама с такой любовью выбирала для меня мебель, шторы и прочее, а я хмурилась за ее спиной. Мне не нужна была эта комната принцессы, не нужен сад и этот дом. Очень хотелось в прежнюю квартиру, чтоб в соседнем доме жила Верка. Когда подругу в очередной раз ко мне не пустили (уроки надо учить, а не по подругам болтаться), я устроилась на подоконнике, тарасилась в окно и с неприязнью думала о взрослых: где им понять, что такое дружба.

Вот тогда и возникла идея сбежать из дома. Хотя бы на пару часов, даже на несколько минут почувствовать себя свободной... идиотизм, но для десятилетней девчонки почти что норма. Осуществить это чисто физически было легче легкого: комната на первом этаже, родители спят на втором. В саду калитка, выходящая в переулок. Ключ от калитки у меня есть. Вылез в окно, и ты на свободе. Родители вряд ли догадаются о моем отсутствии. Правда, мама могла заглянуть ко мне в комнату, но не ночью же? Хотя могла и ночью, но это там, в квартире, отправляясь в туалет или на кухню выпить воды. Теперь мы спали на разных этажах, и это вселяло определенные надежды. Надо сказать, ребенком я была не только домашним, но и на редкость послушным, вот бы мама удивилась, узнав о моих фантазиях. В общем, идея в голове засела крепко. Я в деталях представляла, как открываю окно, выбираюсь в сад, иду к калитке...

Веркиным воображением я похвастать не могла, и последующие фантазии были довольно расплывчаты. Но фраза «я одна ночью на улице» вызывала трепет. Для меня это было покруче любого приключения.

В тот вечер у нас были гости, засиделись допоздна, меня, как обычно, в половине одиннадцатого отправили спать. Лежа в темноте, я прислушивалась к голосам из гостиной. К полуночи гости разъехались, я слышала, как родители переговариваются, убирая посуду, потом все стихло. Дверь в мою комнату чуть приоткрылась, я гадала, кто это, отец или мать, и тут же поняла, что они стоят в темноте рядом и смотрят на меня.

– Ленечка, я так счастлива, – сказала мама. – Спасибо тебе.

– Что ты, милая, это я тебе благодарен... я люблю тебя...

Дверь закрылась, шаги на лестнице и тишина.

Чувствуя себя героиней всех когда-либо виденных мною приключенческих фильмов, я поднялась, быстро натянула джинсы и футболку и осторожно открыла окно. Выбраться в прихожую я не рискнула, значит, путешествовать придется в тапочках. Держа их в руках, я взгромоздилась на подоконник и немного подождала, прислушиваясь к тишине ночи, пытаюсь справиться с волнением. А потом скользнула вниз, ноги коснулись земли, и я вздохнула с облегчением. Окно располагалось не очень высоко, но все-таки пришлось постараться, чтобы спуститься, не наделав шума. Прикрыв окно, я направилась к калитке. Полминуты, и я в переулке. Дома вокруг тонули в темноте. Что делать дальше, я, само собой, не знала, к тому же отчаянно трусила. Возникла мысль вернуться. Однако признаться себе в собственной глупости не хотелось. Вот она, свобода... Я прошла с сотню метров и немного приободрилась. Ничего страшного. Дойду до конца переулка... Переулок совсем маленький,

очень скоро я оказалась на проспекте. Здесь горели фонари, и время от времени проезжали машины, что беспокойства лишь прибавило: на меня могли обратить внимание.

Держась в тени домов, я дошла до здания цирка, так и не встретив ни души, и вновь свернула на ближайшую улицу. Неподалеку жила мамина подруга, и я неплохо здесь ориентировалась. Миновав троллейбусную остановку, надо опять свернуть, и тогда я выйду к своему дому, только с другой стороны. Этим маршрутом мы обычно возвращались с мамой. Я просто пройду его одна, и ничего со мной не случится.

Успокоив себя этими мыслями, я зашагала куда веселее, и тут услышала грохот, что-то вспыхнуло, а я закричала от неожиданности и бросилась бежать, но не назад, как следовало бы, а вперед. Через минуту я замерла как вкопанная. Горела машина, столб огня поднимался к беззвездному небу, и в этом зареве навстречу мне шел мужчина. С белыми, точно снег, волосами, одетый в темный короткий плащ нараспашку. Боевиков я насмотрелась достаточно, и увиденное показалось сценой из голливудского фильма. Взорванная машина, человек с автоматом на плече, который он не спеша убрал под плащ, уверенно печатая шаг. И всполохи пламени за его спиной.

Я стояла, открыв рот, не в силах поверить в реальность происходящего, а между тем расстояние между нами стремительно сокращалось, но о том, чтобы бежать или прятаться в ближайших кустах, и речи быть не могло, я была просто не в состоянии это сделать. Конечно, он меня увидел. И нахмурился. Мужчина как раз поравнялся с фонарем, и теперь я хорошо видела его лицо.

– Ты здесь откуда? – сердито спросил он. Я отчаянно замотала головой. – Что ты делаешь одна на улице?

– Я... я... – Так и не произнеся ничего вразумительного, я в страхе зажмурилась.

Он оказался всего в шаге от меня.

– Где ты живешь? – спросил нетерпеливо.

На этот раз я смогла ответить:

– На улице Куйбышева.

– Вот черт, – покачал он головой и взял меня за руку. – Идем.

И мы зашагали в сторону проспекта, он застегнул плащ, в тщетной надежде, что оружие я не увижу, смотрел на меня и хмурился. Его рука сжимала мою ладонь, а все мои страхи фантастическим образом куда-то исчезли.

– С какой стати ты по ночам одна болтаешься? – буркнул он. – Из дома сбежала?

– Да, то есть нет, то есть я просто хотела... Хотела проверить, испугаюсь или нет.

– И родители, конечно, о твоих экспериментах не подозревают? – Я кивнула, чувствуя, что краснею. – Обещай мне, что больше глупостями заниматься не будешь. Ночью надо спать, а не болтаться по городу. Поняла?

Я вновь кивнула и ухватила за его ладонь покрепче.

Мы вышли к калитке, я окинула взглядом дом за забором и с облегчением вздохнула: все окна были темными.

– Ты как из дома сбежала? – оглядываясь, спросил он.

– Через окно.

– Да? А назад как думаешь?

Тут я сообразила, что вернуться в дом тем же путем будет куда труднее. Мужчина покачал головой, взял у меня ключ, открыл калитку и вернул ключ мне. Очень осторожно мы прошли к окну, мой провожатый толкнул раму, потом легко подхватил меня на руки и

посадила на подоконник.

– Спасибо, – прошептала я, сидя на подоконнике, свесив ноги.

Он прижал палец к губам:

– Тихо. Помни, что ты мне обещала. И еще. Ты меня не видела. Ничего не видела.

Поняла?

Я кивнула и зашептала горячо:

– Я никому не скажу, даже Вере. Это моя лучшая подруга.

– Быстро спать, – шикнул он и бесшумно вернулся к калитке.

А я сползла с подоконника, молниеносно разделась и легла в постель, но так и не уснула до самого рассвета.

Родители не подозревали о моей ночной вылазке, и Вере я о ней не рассказала. Хотя очень хотелось. Но я помнила о данном слове, а еще очень сомневалась, что подруга мне поверит. Вскоре я и сама начала сомневаться, а было ли это на самом деле? Может, все мне попросту приснилось? Как бы то ни было, но еще долгое время я видела в своих снах мужчину в плаще, с белыми, точно снег, волосами.

Лет в четырнадцать отправилась в библиотеку и потратила несколько часов, просматривая старые газеты. Мои усилия не были напрасными. На глаза попала заметка, совсем небольшая. В ней шла речь об убийстве криминального авторитета и двух его охранников. Обгоревшие трупы, взорванная машина. Суббота, два часа ночи. Никаких свидетелей. Пролистав газеты, вышедшие позднее, упоминаний об этом я больше не нашла. Но и того, что узнала, оказалось достаточно. Нет, это не было сном. Оставалось лишь гадать, с кем той ночью меня свела судьба. Размышляя об этом, я испытывала странную тоску, а еще томление. Бродя по городу, заглядывала в лица прохожих в тщетной надежде увидеть знакомое лицо. Я помнила его так хорошо, так отчетливо, что, будь у меня талант художника, смогла бы написать портрет.

И вот через много лет я вновь увидела его во сне. Темный переулок, огненные всполохи, мужчина идет мне навстречу уверенной походкой... Проснувшись, я еще долго не могла избавиться от вдруг навалившейся тоски, лежала, отбросив одеяло, разглядывая потолок. Откуда эта печаль? Просто хочется вновь оказаться в детстве, легком, беззаботном, где еще жива мама, где мир ясен и прост? А все мечты непременно когда-нибудь осуществляются?

– Хватит заниматься глупостями, – проворчала я, с трудом заставив себя подняться с постели.

Прошла в кухню, заварила кофе. Постояла у окна с чашкой в руках. Потом включила скайп, прикидывая, сколько сейчас времени в Улан-Удэ. С этими часовыми поясами вечная путаница. И отправилась в ванную. Я чистила зубы, когда услышала вызов. Наскоро умылась и бросилась к компьютеру.

– Привет, – сказала Руфина, и на экране возникло ее лицо. Раскосые глаза, широкие скулы и мальчишеская стрижка.

– Привет, – ответила я, опускаясь в кресло. – Не могу запомнить, у тебя еще ночь или уже день?

– Бестолочь, сколько раз повторять одно и то же? Запиши на листе бумаги и прицепи к монитору. К тому же ты можешь звонить мне в любое время. Я тебе всегда рада, а спать много вредно. Как дела?

– Нормально.

– Полинка, мне видение было, – вздохнула она. – Ты встретишь человека... мужчину. И эта встреча изменит твою жизнь.

– Давно пора. Он красавец, или с восторгами следует повременить?

– Я ведь не сказала, что это будет влюбленный мужчина, – вновь вздохнула Руфина. – Я вижу вас рядом, но не вижу, что вы вместе. Понимаешь?

– Не очень. На любовное приключение рассчитывать не приходится?

– Тебе не нужно любовное приключение, – поправила она. – Тебе нужен надежный человек рядом.

– А кому не нужен? – хмыкнула я.

– Это может быть опасным, – продолжила подруга. – Не знаю, как и почему, но чувствую. Возможно, какое-то событие, которое произойдет, когда вы встретитесь. Хотя... может быть, опасен он сам.

– Разобьет мое сердце?

– Дура. Все серьезно. Вижу тебя, вижу человека без лица и темное пятно вокруг вас. Будь осторожна, слышишь?

– Слышу. У меня сегодня тоже было видение. Точнее, сон, который я уже видела в детстве. Мужчина в нем присутствовал.

– Твой сон можно назвать предупреждением? – нахмурилась Руфина.

– Вот уж не знаю... сон как сон.

– Расскажи.

– Переулочек, темнота, человек идет навстречу... и я совершенно точно видела тот же сон в детстве. Не один раз. После этого ничего скверного не случилось, может, и сейчас обойдется?

– Обещай, что будешь осторожна с новыми знакомыми.

– Обещаю. Только вот откуда им взяться?

– Не нравится мне твой настрой, – посетовала Руфина. – Я в ближайшие дни уеду на недельку. Может, махнешь со мной? Помедитируем вместе.

– В ближайшие дни вряд ли получится. Ладно, пока. Созвонимся позднее.

Разговор с Руфиной желанного спокойствия не принес. Даже наоборот.

Познакомились мы с ней год назад, в далеко не лучший, скажем прямо, период моей жизни, впрочем, и сейчас в этом смысле мало что изменилось, а если и были изменения, то только в худшую сторону. Так вот, год назад, зная не зная, что делать с самой собой и своей жизнью, я занялась йогой, в тщетной надежде обрести гармонию. Тренер по йоге, женщина лет тридцати пяти с абсолютно неустроенной судьбой (три неудачных брака, двое детей, любовник на десять лет моложе, к тому же женатый), но при этом несокрушимая оптимистка, обратила внимание на мою унылую физиономию и попыталась внушить мне уверенность, что мы сами творцы собственной судьбы и прочее в том же духе. Это показалось бы смешным, учитывая ее собственные обстоятельства, но мне тогда было не до смеха. Часто люди не в силах справиться со своими проблемами, но охотно взваливают на себя чужие. В нашем случае так и вышло. Она вела со мной долгие беседы за чашкой чая, а я, чтобы не тратить ее время попусту, записалась к ней на индивидуальные занятия. В деньгах она нуждалась, а у меня, благодаря папе, их было даже больше, чем нужно. В йоге я заметно продвинулась, с легкостью выполняла упражнения, но гармонии в душе по-прежнему не наблюдалось. Вот тогда и возникла идея отправиться на строительство буддийского монастыря. Ольга, так звали тренера, водила с буддистами дружбу и подобное событие

оставить без внимания не могла. Папа возражать не стал, более того, поездку щедро финансировал. И мы отправились с Ольгой в компании еще двоих добровольцев, в надежде, что перемена мест пойдет мне на пользу.

На стройке я и познакомилась с Руфиной. Она была на шестнадцать лет старше, незамужняя, бездетная и с большим сдвигом. В нашей разношерстной компании ее считали попросту чокнутой. Несмотря на это, мы очень быстро подружились. Взаимная симпатия возникла сразу и за месяц, что мы прожили в монастыре, только окрепла. Причину назвать затрудняюсь. По сути, очень мало что могло нас связывать. Ее интересы оказались далеки от моих, точнее, у меня их вовсе не было. Диплом валялся где-то в шкафу, ни одного дня в своей жизни я не работала, а деньги могла не считать.

Руфина росла в многодетной семье, вкалывала с семнадцати лет маляром на стройке, училась, конечно, заочно и теперь работала прорабом. В свободное время занималась поисками смысла жизни. А я очень сомневалась в его наличии. Телевизор она не смотрела, романов не читала, к тому же ее посещали видения. Я считала это ерундой, слушала, кивала и относилась к разряду недостатков, с которыми проще всего смириться. Пока однажды, полгода назад, она не позвонила мне утром и не сказала, совсем как сегодня:

– Полинка, я видела тебя, а вокруг кровь. Много крови.

– Авария, что ли? – мысленно чертыхнувшись, предположила я.

– Не знаю. Может, и авария. Не с тобой. Кто-то близкий. Ты вся в слезах, а рядом кровь.

Потом увидела электрические часы с датой. Все произойдет сегодня вечером.

– Можно это как-то изменить? – спросила я, чувствуя маету в душе. – Предотвратить?

– Нет. Что будет, то будет.

– На хрена тогда ты мне это говоришь? – разозлилась я, обозвала ее «дурой» и отключилась, а потом поспешила выбросить дурацкое предсказание из головы. Руфина и вправду чокнутая, выдумать такое... правы ее друзья-буддисты.

А вечером в одиннадцать тридцать погибла Вера. На моих глазах. Может, поэтому я до сих пор так и не смогла прийти в себя. В тот вечер, несмотря на все старания поскорее забыть предсказание Руфины, я все-таки отправилась к отцу. Я уже некоторое время жила отдельно, в однокомнатной квартире, которую купил мне папа. Не только желание избавиться от родительской опеки послужило причиной моего переезда. Я рассчитывала, что, оставшись один, папа наконец устроит собственную личную жизнь. Хотя к переменам он, как выяснилось, не особенно стремится. Но я все-таки надеялась. В общем, мы жили врозь, а слова Руфины впечатление произвели, и я поехала к отцу, с намерением остаться у него ночевать. Мы коротали вечер возле камина, папа смотрел телевизор, а я устроилась в кресле по соседству с планшетом на коленях. Кочевала с одного сайта на другой, потом позвонила Верке. Окончив институт, подруга стала работать на телевидении. Свободного времени у нее было мало, и мы виделись теперь нечасто, но перезванивались регулярно. Наша дружба не стала менее крепкой, но было кое-что в моей жизни, о чем я не хотела рассказывать ни отцу, ни ближайшим подругам, впрочем, к тому моменту, за исключением Верки и Руфины, друг у меня практически не осталось. Я не могла или не хотела рассказать Вере всю правду, оттого моя затяжная депрессия казалась ей если и не глупостью, то явным нежеланием что-то изменить в своей жизни. Деятельную Верку это очень злило, и при случае она неумолимо принималась читать мне нотации. Поэтому ее занятость и наши редкие встречи меня, по большому счету, вполне устраивали. Я довольствовалась болтовней по телефону, и от ее предложений «выйти в свет» неизменно отказывалась под благовидным

предлогом. Верку это злило еще больше, однако друг без друга существовать мы не могли, и вечерний звонок подруге уже давно стал ритуалом. Общались мы, как правило, по скайпу, хотя ничто не мешало набрать ее домашний номер. Верка ворчливо замечала, что это единственная возможность увидеть мою физиономию, дабы окончательно не забыть, как я выгляжу.

– Ты где есть-то? – ответив на мой звонок, спросила подруга.

– У папы.

– Дяде Лене большой привет. Ко мне заглянуть не хочешь?

– Не сегодня.

– Ага, ага. Слышали не раз. Завтра сама к тебе приеду. Вечером, часов в семь. Ок?

Надеюсь, никаких срочных дел?

– Да вроде ничего не намечается. Приезжай, куплю пирожных...

– Лучше не надо. Я на диете.

За последние два года Верка перепробовала все диеты, которые смогла найти в Интернете, хотя, с моей точки зрения, выглядела прекрасно. Но, как известно, нет предела совершенству. Мы немного поболтали на эту тему, потом Верка рассказала о новостях на работе. Ничего примечательного. Папа выключил телевизор, подошел ко мне:

– Не возражаешь, если я пойду спать? Завтра придется встать пораньше...

– Конечно, – кивнула я, сказав Вере: – Подожди минуту... – поцеловала отца, он отправился на второй этаж в свою спальню, а мы продолжили разговор.

– Как у него на личном фронте? – спросила Вера.

– Без перемен.

– Такой мужчина – и один. Не понимаю я этого. И ты, должно быть, в родителя удалась, – нахмурилась она, возвращаясь к излюбленной теме. – Хочешь, познакомлю тебя с одним парнем?

– Не хочу.

– Почему? Ты же его даже не видела, вдруг он тебе понравится?

– Не начинай, а? – поморщилась я.

– Господи, ты красивая молодая женщина...

В этом месте я убавила звук и с улыбкой наблюдала за Верой, точнее, за ее безуспешными стараниями в очередной раз вправить мне мозги. Я видела ее лицо почти во весь экран, Вера сидела в наушниках, сдвинутых с одного уха. Она умудрялась разговаривать со мной и одновременно слушать музыку. Способность заниматься множеством дел одновременно была у нее с детства. И тут я вдруг увидела за спиной подруги силуэт человека. Рядом с ее столом стоял торшер, освещающий саму Веру и часть комнаты, а он, надо полагать, появился со стороны двери. «У Веры гость в такое позднее время?» – успела подумать я.

Подружка недавно рассталась со своим парнем, так что появление гостя очень меня заинтересовало. Вряд ли это сослуживец, время неподходящее для деловых встреч. А о новом знакомстве Вера ничего не рассказывала, что на нее совсем не похоже. Только я собралась задать вопрос: «Кто у тебя в гостях?», как увидела руку в кожаной перчатке, она легла на шею подруги, глаза Веры удивленно расширились, и тут связь прервалась.

– Вера! – заорала я, понимая, что слышать меня подруга не может.

Я кликнула по значку «вызов», не в силах поверить, что произошло что-то ужасное, и пыталась убедить себя, что увиденное – дурацкая шутка, но грудь вдруг сдавило от боли, и тут же возникла мысль о предсказании Руфины. В общем, в те несколько минут, безуспешно

вызывая подругу, я о многом успела подумать. На вызов она не ответила.

Я бросилась к домашнему телефону, отчаянно крича:

– Папа, папа!..

Он появился на лестнице, на ходу надевая халат, не понимая, что происходит. Номер Веры не отвечал.

– Что случилось? – растерянно спросил папа, оказавшись рядом.

Продолжая набирать номер и вновь слушая гудки, я, как могла, объяснила. На лице отца отчетливо читалось недоумение.

– Ты видела, как кто-то схватил Веру? – пробормотал он, а я бестолково кивала.

– Я звоню в полицию, – наконец смогла произнести я. – Нет, позвоню по дороге... Надо ехать к ней...

– Хорошо, – кивнул отец, и мы бросились в гараж. Он, как был, в пижаме и халате, а я в домашнем платье и тапочках на босу ногу. Папа наверняка сомневался в моем рассказе, хотя возражать не рискнул. Наверное, как и я, надеялся, что это глупая шутка. Вот только кому вздумалось так шутить?

По дороге я дозвонилась в полицию. Женщина, принявшая мой вызов, поначалу решила, что это розыгрыш. Неудивительно, учитывая, что изъяснялась я не особенно толково.

– Дай мне мобильный, – сказал отец, сообразив, что меня сейчас отфутболят. – Моя дочь разговаривала по скайпу с подругой и видела, как кто-то напал на нее...

Слова папы, точнее, его тон, впечатление произвели. Мы въехали во двор дома, где жила Вера, и увидели полицейскую машину, из нее вышли двое мужчин.

– Чего случилось-то? – спросил один из них.

Но, обнаружив нас в мало подходящей одежде для января месяца, нахмурился, справедливо полагая, что если здесь кто-то и валяет дурака, то отнюдь не мы.

Двое полицейских вместе с нами вошли в подъезд, я бегом поднялась на второй этаж, позвонила в дверь Вериной квартиры. Подошедший полицейский подергал дверь, но она оказалась заперта. Я давила на кнопку звонка, дверь не открывали.

– Может, ваша подруга ушла куда-нибудь? – предположил мужчина.

– Двадцать минут назад она разговаривала со мной, сидя в пижаме, и уходить никуда не собиралась, – ответила я.

Руки у меня дрожали, голос срывался, я позвонила сначала на домашний номер Веры, потом на мобильный. Длинные гудки.

– Что будем делать? Дверь ломать? А если ваша подруга жива-здоровая и все-таки ушла куда-то...

– Ломайте дверь, – рявкнул папа, к тому моменту, как и я, уже не сомневаясь: ни о каких шутках и речи быть не может.

– Дверь крепкая, – вздохнул полицейский. – Надо спецов вызывать...

Тут я вспомнила, что ключи есть у соседки, и стала звонить ей в дверь. Соседка таранилась на нас спросонья, не понимая, что происходит. Но ключи нашла и сама открыла дверь Вериной квартиры. Позвала громко:

– Вера, ты дома?

Я вошла первой, уже в квартире меня опередил полицейский, заглянул в единственную комнату и выругался сквозь зубы. Торшер рядом со столом освещал склоненную фигуру подруги. В первое мгновение я решила, что она просто уснула, положив голову на сложенные руки. Экран компьютера потух. Полицейский чуть приподнял Веру за плечи, ее голова

свесилась на грудь. Папа торопливо обнял меня и прижал к себе.

– Что? – с трудом спросила я, уже зная ответ.

– Вызывай бригаду, – повернувшись к своему напарнику, вздохнул полицейский. – У нас труп.

Ничего об убийце я рассказать не могла. Рука в черной кожаной перчатке и неясный силуэт – вот и все, что я видела. Беседовали со мной не один раз, но вряд ли это помогло следствию. Никаких догадок о том, кто и по какой причине мог желать смерти моей подруге. У нее было очень много знакомых и не было врагов. Да и откуда им взяться? С парнем рассталась два месяца назад, встречались они недолго, я так и не успела с ним познакомиться. Разошлись они по обоюдному согласию, у Веры их разрыв особых эмоций не вызвал. Я знала, что парня звали Сергей, фамилия Беленький, Веру это забавляло, и она часто называла его то «сереньким», то «черненьким». Пару раз он у нее ночевал. Примерно к этому сводились все наши разговоры о возлюбленном Веры. Само собой, Беленький оказался в числе подозреваемых. Может, разрыв с Верой задел его самолюбие и он решил отомстить? Но если бы он в течение двух месяцев как-то проявлял себя: грозил или хотя бы пытался встретиться с моей подругой, я бы об этом знала. Однако она его в последнее время даже не вспоминала. Был да сплыл.

Следователь о ходе расследования помалкивал, но слухами земля полнится, и вскоре я узнала: Беленький за неделю до гибели Веры покинул город, и его местонахождение установить вроде бы не удалось. Он до сих пор оставался подозреваемым номер один.

Второй версией стала профессиональная деятельность подруги. Она тележурналист, могла кому-то перейти дорогу. По моему мнению, глупость чистой воды. Попросив у ее коллег записи последних репортажей, я смогла убедиться: в них не было ничего такого, за что кто-то мог до такой степени разобидеться, что лишил ее жизни. Если уж быть до конца честной, репортажи подруги – обычная рутина: открытие новой спортивной школы, акция «Книги – детям», городские соревнования по легкой атлетике и прочее в том же духе. Иногда звучала критика в адрес отцов города: расширили дорогу на улице Чайковского, в результате дома теперь стоят почти вплотную к проезжей части и пешеходам пройти негде; возле краеведческого музея давно пора поставить светофор: там опасный перекресток и аварии случаются чуть ли не каждый день... Об этом весь город и без Веркиных репортажей знает. И за это убивать?

Вера мечтала о своем ток-шоу на телевидении, а репортерская работа была ей не особенно интересна. По крайней мере, она об этом говорила довольно часто. В общем, эту версию, по моему мнению, можно было смело исключить.

Никаких ценных вещей из квартиры не взяли, да их попросту и не было, значит, речь не идет об ограблении. Вера купила квартиру по ипотеке, и лишних денег у нее не водилось. В кошельке, лежавшем в сумке, восемь тысяч рублей, но на них не позарились. В квартиру подруга переехала год назад. Кухонный гарнитур, письменный стол, два кресла, диван, на котором она спала, и старый шкаф, перевезенный из квартиры матери, – вот и вся обстановка. Телевизор был ей без надобности, она довольствовалась компьютером. Тряпки, мебель и прочее Веру занимали мало, она была на редкость неприхотлива. Если у нее появлялись деньги, она тратила их на развлечения, очень любила путешествовать, но заграничные поездки ее не привлекали. Так что заподозрить, что у подруги вдруг оказалась крупная сумма денег, было невозможно, слишком хорошо я ее знала. Да и неоткуда было

взяться большим деньгам, зарплата у Веры скромная, а тут еще ипотека и новая машина в кредит.

Но Веру убили. Оставалось предположить, что убийца – маньяк, но и в это поверить затруднительно. Куда проще выбрать жертву на улице.

Как убийца проник в квартиру, для меня оставалось загадкой, следователь весьма неохотно отвечал на мои вопросы, чаще всего попросту их игнорируя. Оно и понятно... Поначалу об убийстве трубили все местные газеты и телевидение, но время шло, и о нем начали забывать. А у меня появилось подозрение, что убийство так и останется нераскрытым.

Через три месяца вдруг прошел слух, что Вера имела отношение к распространению наркотиков. Услышав об этом от одного из коллег подруги, я решила, что он спятил. Но парень заверил меня, что ему сообщил об этом знакомый из следственного комитета. «Выходит, спятили они, – подумала я. – Вера и наркотики... Скорее я поверю, что она агент под прикрытием. Или посланец иных цивилизаций».

К тому моменту к следователю меня уже не вызывали, что еще больше укрепило меня во мнении: никаких реальных зацепок у них нет. А это значит, дело очень скоро сдадут в архив, или как там у них это называется.

Смириться с этим я не могла. С тоской наблюдала за тем, как мир следует своим путем, точно ничего особенного и не случилось. Теперь даже коллеги Веры пожимали плечами и говорили: «А мы-то что можем?»

В отчаянии я обратилась к услугам частных сыщиков, не очень-то рассчитывая на удачу. Обоих я нашла по объявлению в Интернете. Первый был отставной сотрудник полиции, уволенный, как оказалось впоследствии, за пьянство. Он попросил аванс и исчез на пару недель. Потом позвонил и, немного стыдясь, попросил еще денег. Опухшая физиономия и стойкий запах перегара прозрачно намекали, что деньги я потрачу зря. Но деньги я дала в робкой надежде на чудо. Чуда не произошло. Дядю я больше не видела. Предприняла попытку его разыскать и обнаружила в «дурке», как любила выражаться Верка. Моего Пинкертон там возвращали к жизни посредством капельниц. Деньги не пошли ему на пользу.

Вторым был молодой человек, очень серьезный и, судя по всему, непьющий. Через неделю после нашей первой встречи он принес мне отчет, аккуратно и даже с любовью оформленный. К сожалению, ничего нового из отчета я не узнала. Еще через неделю молодой человек честно признался: убийства – не его профиль, и посоветовал рассчитывать на профессионалов из следственного комитета.

– Если они ничего не могут, что сделаю я? – задал он мне вопрос и удалился.

На этом следовало бы поставить точку, но я уже знала: пока не найду убийцу или хотя бы не буду знать, почему погибла моя подруга, ни о каком душевном спокойствии и речи быть не может. Кто-то должен разобраться в этом. А значит, отступить я не имею права.

Прошло уже полгода, и мои надежды таяли на глазах. Я видела, как друзья стремительно забывают Веру. Когда речь вдруг заходила о ней, они, конечно, вздыхали с серьезными лицам и произносили: «Царство ей небесное!» или что-то еще, приличествующее случаю, и неизменно добавляли: «А убийцу до сих пор не нашли», потом разговор возвращался к более приятным темам. Жизнь продолжается... Я знала, как глупо винить их, и все-таки винила, может, потому, что сама успокоиться не могла.

Единственный, кто меня все это время поддерживал, не считая матери Веры и моего

отца, был Юрка Михайлов, оператор из съемочной группы Веры. Виделись мы часто. Он считал своим долгом всячески развлекать меня, справедливо полагая, что мне сейчас нелегко, но даже не догадывался о том, как было в действительности. Кошмаров у меня больше, чем сказок у Шахерезады.

Две недели назад мы отправились в кино. Пока в ожидании начала сеанса пили кофе, я успела рассказать ему о своей очередной неудаче на ниве частного сыска.

– Правильно он тебе сказал, – поморщившись, заметил Юрка. – Поиски убийцы частному сыщику не по зубам. Такое только в кино бывает, да и то в американском. Наши неверных супругов ловят...

Тут он нахмурился, вроде бы о чем-то задумавшись, и вдруг сказал:

– Возможно, я тебе помогу. Есть у меня знакомый... вернее, он знакомый моего приятеля, серьезный парень и берется за серьезные дела.

– Что за парень? – насторожилась я.

– Зовут Владан Марич. Он серб, то есть полукровка. Отец серб, мать русская, родился в нашем городе. Когда ему было лет четырнадцать, они уехали в Боснию, вернее, тогда это еще была Югославия. А буквально через несколько месяцев там началась война. Говорят, он хлебнул по полной. Воевал, был дважды ранен. О нем много чего рассказывают.

– Например?

– Ну... – Юрка пожал плечами. – Например, что он работал на нашу разведку... а у них бывших не бывает. Связи у него будь здоров. Он то появлялся в городе, то опять исчезал, но уже лет пять живет здесь постоянно. Хотя и сейчас застать его непросто.

– Я поняла, он – Джеймс Бонд. И чем он мне поможет?

– Поможет, если захочет. Когда осел тут, открыл что-то вроде частного сыскного агентства. Маленький офис без вывески. Но кому надо, знают, где его найти. За дела берется только по рекомендации хорошо знакомых ему людей. Они, кстати, между собой называют его «специалист по трудноразрешимым проблемам».

– Звучит как-то сомнительно, – заметила я. – Извини, но так киллеров называют.

– А я и не говорил, что он рыцарь без страха и упрека. Болтают разное. Одно знаю точно, неудач в делах у него не бывает. Но есть два «но»...

– Какие? – поторопила я, видя, что он вдруг замолчал и продолжать не торопится.

– Первое: берет дорого.

– Это я переживу. А второе?

– Второе: все вышеизложенное.

– Устрой нам встречу, – подумав, сказала я. – Мне плевать, кто он и сколько запросит. Лишь бы нашел убийцу.

– Хорошо, – кивнул Юрка. – Поговорю со своим приятелем.

Встретиться с Маричем оказалось совсем не просто.

На следующий день Юрка сообщил: в городе его нет, но вроде бы должен появиться через пару недель. Мое ожидание Юрка скрашивал рассказами о сербе. Их набралось с избытком, некоторые совершенно фантастические. И я начала гадать: Юрка их сам выдумывает или по соседству со мной и впрямь обретается легендарная личность. Как только я переходила к уточнениям или легкой критике, Юрка пожимал плечами и твердил: «Так говорят».

С моей точки зрения, в данном случае работала магия мифа: чем меньше о чем-то

знают, тем больше начинают фантазировать. Вскоре стало ясно: ничего конкретного о прошлом этого самого Владана Юрка рассказать не может. Тем более значительным оно ему представлялось, как и прочим непосвященным.

Со дня на день я ждала возвращения серба, изнывая от нетерпения. Каюсь, к желанию найти убийцу Веры теперь примешивалось элементарное любопытство, очень хотелось взглянуть на героя. Так как времени у меня было предостаточно, я покопалась в Интернете, до той поры имея смутное представление о войне на Балканах. И очень скоро могла констатировать следующее: моя вера в коллективный разум человечества слабеет на глазах, а истории, рассказанные Юркой, вполне могли произойти в реальности. Не удержавшись, я набрала в поисковой строке имя и фамилию Владана и получила нулевой результат. Но на этом не успокоилась и позвонила своему приятелю Хакеру. Хакер – в данном случае и прозвище, и вид деятельности. Но он тоже не порадовал.

– Что это за тип такой? – перезвонив на следующий день, поинтересовался он с легкой обидой в голосе.

– Ты меня спрашиваешь? – удивилась я.

– Все сведения о нем засекречены. Не сомневаюсь, что смог бы узнать всю его подноготную, но... боюсь, еще раньше у меня появятся дяди в скромных серых костюмах, и в тех местах, где я окажусь, придется обходиться без компьютера.

– Лучше не надо. Без передач я тебя, конечно, не оставлю, но навещать не стану, в тех широтах для девушки вроде меня климат неподходящий.

– Вот именно. И где ты откопала этого Марича? Я бы на твоём месте держался от него подальше.

– Легче легкого. Он не спешит на встречу со мной.

После этого разговора Юркины рассказы вовсе не выглядели безобидной выдумкой. А еще зрело беспокойство, вдруг Владан не захочет иметь со мной дело? К тому моменту я успела убедить себя, что только он сможет помочь, и встречи с ним ожидала с нетерпением.

Выпив еще кофе, я мысленно вернулась к недавнему разговору с Руфиной. Лучше бы она увидела, в каких краях искать убийцу. Само собой, мы об этом не раз говорили. Вся штука была в том, что видения являлись ей спонтанно. Либо были, либо нет. И о Вере она ничего сказать не могла, хотя неустанно медитировала. В общем, на заказ работать у нее не получалось. А жаль. Прогуливаясь по квартире, я размышляла, как скрасить еще один день ожидания. И решила отправиться в торговый центр.

Утро выдалось пасмурным, потом и вовсе пошел дождь, но это меня не остановило. Через полчаса я спустилась к своей машине, припаркованной во дворе, и вскоре направилась в сторону торгового центра в двух троллейбусных остановках от моего дома. По дороге позвонила отцу, потом Юрке. Юрка не ответил. Люди, в отличие от меня, в это время работают. Подумала, кому бы еще позвонить, но, в конце концов, отбросила мобильный на соседнее сиденье.

В торговом центре я пробыла довольно долго, забрела в книжный магазин, купила любовный роман и устроилась с ним в кафетерии. Потом переместилась в соседний ресторанчик. Время обеденное, почти все столики заняты, граждане сидят по двое, а то и вовсе большой компанией, о чем-то увлеченно говорят... я им завидовала. Вера была права, давно пора взять себя в руки и начать новую жизнь... Вот найдут убийцу подруги, тогда и начну.

Не будь у меня богатого папы, процесс возвращения к нормальной жизни пошел бы куда быстрее. Пришлось бы думать о хлебе насущном, а не ковыряться в своих проблемах и горько сетовать на злодейку судьбу... Ну, вот, теперь и папа виноват. Я покачала головой, расплатилась по счету и направилась к выходу из торгового центра, предпочтя тот, что вел на парковку. Дождь кончился, выглянуло солнце, но моего настроения это не улучшило.

Если так пойдет дальше, все закончится врачом-психиатром. Кстати, папа уже несколько раз намекал, что не худо бы к нему обратиться. Я выгляжу студенткой-первокурсницей, а чувствую себя так, точно за плечами целая жизнь, абсолютно безрадостная. Хотя, если вдуматься, примерно так и обстоят мои дела...

До машины оставалось полсотни метров, когда темно-бордовый джип, пролетев мимо, окатил меня водой из ближайшей лужи. Джип занял свободное место на парковке, а я, выругавшись сквозь зубы, разглядывала свое белое платье в черный горох. Девочка-замарашка. Очень хотелось огреть водителя джипа чем-нибудь тяжелым. Тут, кстати, он и появился, вышел из машины и не спеша направился в мою сторону. Взглянув на него, я поморщилась. Высокий красавец в дорожных тряпках, и с таким выражением на физиономии, что становилось ясно: одного тяжелого предмета явно маловато, чтобы привести подобного типа в чувство.

– Извиниться не хотите? – громко спросила я, хотя следовало бы помолчать, связываться с таким себе дороже.

– Извиниться? – поднял он брови в большом удивлении. Тут его взгляд задержался на моем платье, и он спросил: – Это я вас так?

– Это вы, – кивнула я. – Не худо бы иногда по сторонам смотреть.

– Извините, торопился занять свободное место.

– Здесь их предостаточно.

Он кивнул, вроде бы соглашаясь, и на меня уставился, на его физиономии появилась улыбка. Он наверняка считал ее неподражаемой. Злость во мне росла и крепла.

– Давайте я вас кофе угощу, – предложил он, – а потом отвезу домой.

Я ткнула пальцем в свою машину, которая стояла неподалеку от его джипа.

– До дома я доберусь сама и без кофе обойдусь. День и так ни к черту, не стоит все усугублять.

Я сделала шаг в сторону с намерением продолжить путь к машине, но мужчина преградил мне дорогу.

– Какие могут быть проблемы у такой девушки? – спросил он, изо всех сил стараясь выглядеть этаким душкой. Получалось не слишком хорошо.

– У какой? – хмыкнула я.

– Ну... – Он вновь широко улыбнулся. – Вы молоды, очень красивы... дорогая машина... Платье в Милане покупали? – От язвительности он все-таки не сумел удержаться.

– Подозреваю, что мы болтались в одних и тех же магазинах, – съязвила я в ответ. – Тачка у вас тоже ничего.

«Тожe ничего» его, конечно, рассмешило, стоила его красавица миллиона три-четыре.

– Извините, что испортил день, – посерьезнел он. – Подскажите, чем я могу загладить свою вину?

– Извинений вполне достаточно. А теперь дайте мне пройти.

– Может быть, познакомимся? – игриво поинтересовался он. – Меня зовут Алексей.

– Серьезно? Вам бы больше подошло что-нибудь экзотическое. Артур, на худой конец.

– Не угадала мама с именем, – засмеялся он. – Кто ж знал, что я вырасту таким красавцем, – и весело мне подмигнул.

– Представляю, как счастлива мама. Всего доброго.

Он все-таки сместился в сторону, что позволило мне пройти.

– До встречи, – сказал насмешливо. – Надеюсь, в следующий раз с настроением будет порядок.

Я села в машину, а он продолжал стоять до тех пор, пока я не покинула парковку, на прощание помахав мне рукой.

– Ненавижу таких типов, – пробормотала я, качая головой, вздохнула и добавила: – Похоже, себя ты тоже ненавидишь.

Дело и впрямь не в этом нахале, а во мне самой. Красавец с деньгами, преуспевающий бизнесмен... Вряд ли папенькин сынок: манеры не те и выражение лица. Парни, проматывающие родительские деньги, избалованы и капризны, а в этом чувствуется характер... Сколько ему лет? Тридцать, тридцать два? Мне-то что до этого?

Тут я вдруг вспомнила предсказание Руфины и нахмурилась. Что если эта та самая встреча, о которой она говорила? На роль типа, способного испортить мне жизнь, этот Алексей очень даже подходит. И без него есть желающие. Будем считать, что встреча не состоялась. В этот момент у меня зазвонил мобильный. Я взглянула на дисплей и поспешно ответила. Звонил Юрка.

– Он приехал, – сказал взволнованно, а я почувствовала нечто похожее на укол в сердце. – Мой приятель обещал поговорить с ним уже сегодня, будут новости, позвоню.

– Наконец-то, – выдохнула я, убирая мобильный.

Юркино волнение и мне передалось. Руки, сжимавшие руль, нервно подрагивали, это показалось таким забавным, что я засмеялась.

Остаток дня нервозное состояние меня не покидало. Я несколько раз звонила Юрке, новостей для меня у него не было, но мои звонки его не раздражали. Он охотно поддерживал разговор и вместе со мной гадал, что получится из нашей затеи.

Часов в восемь вечера, как раз после очередного разговора по телефону, в дверь позвонили. Я пошла открывать, гадая, кто это может быть. Гости у меня появлялись нечасто, оттого вместе с недоумением возникло нечто вроде беспокойства. Заглянув в дверной глазок, я увидела молодого человека, физиономия совершенно незнакомая. Квартирой ошибся, решила я, накинула дверную цепочку и приоткрыла дверь. Молодой человек улыбнулся и спросил:

– Полина Забелина здесь живет?

– Здесь, – кивнула я, теряясь в догадках, и тут увидела стоящую у ног парня корзину с розами.

Он улыбнулся шире, подхватил корзину и протянул мне:

– Это вам.

Я стояла, сурово хмурясь, не спеша снять цепочку.

– Мне? – спросила на всякий случай.

– Вас ведь Полина зовут? – продолжал улыбаться он.

– Но... я... От кого цветы? – наконец-то догадалась спросить я.

– Наверное, от поклонника. Я из службы доставки. От кого конкретно цветы, мне неизвестно. Посмотрите, может быть, здесь есть записка.

Он держал корзину в руках, тяготясь моей нерешительностью. Ясное дело, заказ он

выполнил и теперь спешил уйти. С большой неохотой сняв цепочку, я взяла из его рук корзину. Она оказалась тяжелой. Парень кивнул и направился к лестнице, а я поспешно закрыла дверь. Потом прошла в гостиную, поставила корзину на журнальный стол и зачем-то пересчитала розы. Их оказалось почти три десятка. День рождения у меня не скоро, никаких памятных дат в ближайшие дни... К тому же, кроме папы, цветы мне дарить некому. «Юрка? – явилась нелепая мысль. – С какой стати? Да и лишних денег у Юрки нет, не стал бы он тратиться на подобную ерунду». Я таращилась на цветы, теряясь в догадках. А если это...

Мысли о Забелине вызвали привычную боль. Чего он добивается, отправляя мне цветы? Очередное утонченное издевательство?

«Сукин сын», – в досаде пробормотала я сквозь зубы и собралась вынести корзину в мусорный ящик, но цветы вдруг стало жаль. Оглядев комнату в поисках подходящего места, я, в конце концов, оставила розы на журнальном столе. И вдруг заревела. Глупая бабья жалость к себе. Ладно, чего ж не пореветь, если никто не видит.

Вот тут и зазвонил телефон. Я прошла в прихожую, где стоял аппарат, поспешно сняла трубку.

– Полина? – Мужской голос звучал с насмешливой нежностью. – Это Алексей, тот самый, что сегодня испортил ваш день.

– Букет – ваша работа? – догадалась я.

– Надеюсь, вы любите розы.

– Розы – да, нахалов – нет.

– Я просто хотел извиниться еще раз.

– В таком случае, считайте, что ваш грех прощен и забыт.

– Голос у вас ужасно суровый. Вы бы хоть удивились...

– Тому, что вам известен мой адрес и номер телефона? Тоже мне достижение. В век Интернета это легче легкого, учитывая, что вы видели мою машину.

– А что, если нам поужинать вместе? – предложил он.

– Спасибо за цветы, – сказала я и повесила трубку.

Постояла немного возле телефона, уверенная, что он опять позвонит. Так и вышло.

– Я ведь сказала, что нахалов не жалую, – вновь сняв трубку, буркнула я.

– Ты очень красивая девушка. И с характером. Мне такие нравятся. Надеюсь, твое «нет» – это все-таки «да, но в другой раз».

– Не надейся.

– Вдруг повезет? Я вообще-то тоже с характером.

Он засмеялся и повесил трубку, а я немного послушала короткие гудки. «Отчего бы, в самом деле, с ним не поужинать?» – явилась мысль. Неожиданная. Прошел год, пора бы прийти в себя и начать жить как нормальные люди. Легче сказать, чем сделать. Я прошла по комнате, чувствуя, как снова подступают слезы. А если забыть невозможно? Тогда пора научиться как-то жить с этим.

Юрка позвонил утром, я только-только закончила болтать по скайпу с Руфиной. Само собой, подруге я рассказала о вчерашней встрече, и мы немного погадали: стоит считать ее судьбоносной или повременить? Ничего толкового на сей счет Руфина сказать не могла, ее видения, как на грех, задерживались. Но от ее вопросов это меня не избавило.

– Он тебе понравился? – приставала она.

– Нет.

– Совсем? Почему? Он симпатичный?

– Самовлюбленный и наглый.

– Однако розы прислал. Красивый жест... может, тебе стоит присмотреться к этому Алексею?

– Может, и стоит. Если он еще раз позвонит.

– Позвонит. Я чувствую.

Мы простились, тут и Юрка объявился.

– Он ждет тебя в кафе «Каприз» в два часа дня, – скороговоркой выпалил он, словно удерживать в себе эти слова для него было не под силу.

И вновь, как вчера, я почувствовала волнение, стоило Юрке произнести это самое «он». Должно быть, Юркины рассказы на меня подействовали куда сильнее, чем я предполагала. «Я ожидаю от встречи с Маричем чего-то необыкновенного, вдруг он окажется невзрачным дядей слегка за сорок», – весело фыркнула я. Это в кино героев непременно играют голливудские красавцы, а жизнь – вовсе не кинематограф... ладно, если он на героя не тянет, я уж как-нибудь переживу. Лишь бы помог...

– Эй, – позвал Юрка, – ты что молчишь?

Занятая своими мыслями, я вроде бы о нем забыла.

– Сегодня в два? – повторила поспешно.

– Ага, мой приятель сказал, Владан готов тебя выслушать. Больше ничего не обещает. В общем, возьмется он за дело или нет, зависит от тебя. Так что уж постарайся.

С трудом дождавшись положенного времени, я отправилась на встречу, здорово нервничая. Любопытство перемешалось с опасением, что Марич вдруг откажется мне помочь. Юрка сказал: все зависит от меня. Интересно, что он имел в виду? Мне придется обольщать этого типа? Готова я к этому? В тот момент мне казалось: я готова на все, лишь бы поставить точку в затянувшейся истории.

«С чего ты взяла, что непременно дойдет до этого?» – одернула я себя, придерживая разбушевавшуюся фантазию. Юрка вовсе не обольщение имел в виду. Я просто должна объяснить человеку, как важно для меня найти убийцу. В конце концов, он работает за деньги, а я готова заплатить очень много. Надеюсь, это подействует.

Ровно в два я припарковала машину неподалеку от кафе «Каприз». Оно находилось в самом центре, рядом с Соборной площадью. Пару раз я сюда заходила выпить кофе. Кафе совсем маленькое, столиков пять, не больше. «Сейчас время ланча и там, скорее всего, многолюдно, – забеспокоилась я. – Не слишком удачное место для серьезного разговора». Но выбирать не приходилось.

Я подошла к застекленной двери и с недоумением взглянула на висевшую на ней с той стороны табличку: «Извините, закрыто по техническим причинам».

Вот тебе раз! Я потянулась за мобильным с намерением звонить Юрке, но тут обратила внимание на звонок рядом с дверью и поспешно надавила на кнопку. В маленьком тамбуре незамедлительно появилась девушка в темной юбке и белой кофточке с бейджилом на груди. Открыла дверь, вопросительно глядя на меня.

– Простите... – начала я торопливо.

Но она перебила:

– Проходите, пожалуйста.

Впустив меня, девушка заперла дверь, кивком указав в сторону зала.

За столом в профиль ко мне в одиночестве сидел мужчина и смотрел на планшете футбольный матч, потягивая пиво из высокого бокала.

Загорелое лицо, тяжелый подбородок и волосы белые, точно первый снег. Они блестели в лучах солнца, падающих из окон. Мужчина, увлеченный футболом, вроде бы не заметил моего появления, я подошла ближе, уже сообразив, чему он был обязан столь редкому цвету волос. Густые, довольно длинные волосы, закрывавшие шею, были абсолютно седыми. Почувствовав мое присутствие, он повернул голову, слегка приподнялся с подобием улыбки на губах и спросил:

– Вы Полина?

Теперь я хорошо видела его лицо и оторопело кивнула. Он протянул руку, представился:

– Владан.

Пожав его руку, я поспешно опустилась в кресло, всерьез опасаясь, что на ногах не устою. Передо мной был человек из моих детских снов. Тот, кто однажды проводил меня до дома, встретив ночью в темном переулке. Сомнений быть не могло. Я так хорошо помнила его лицо... вот только сомневалась, что видела его в действительности. А теперь он сидит передо мной...

Он производил странное впечатление. Наверное, из-за седины. Лицо его казалось молодым, на вид лет тридцать, не больше. Только присмотревшись, начинаешь понимать, что он гораздо старше. Морщинки у глаз, тяжелые складки возле губ и еще одна, глубокая складка между бровей из-за привычки хмуриться. Наша первая встреча произошла четырнадцать лет назад. С моей точки зрения, он ничуть не изменился, оттого я его и узнала сразу. Перед мысленным взором вновь возникла картина: всполохи огня, лицо мужчины и серебристые волосы. Уже тогда седые? А может, та встреча мне действительно приснилась? Если верить Руфине, на свете и не такое бывает...

Я тарасилась на него, понимая, как глупо выгляжу. Он то ли не замечал моего состояния, то ли не желал замечать. Взглянул на планшет, где все еще шел футбольный матч, и с сожалением его выключил. Глотнул пива и отодвинул стакан.

– Кофе? – спросил вежливо и позвал официантку. А я так и сидела, открыв рот.

Красивым мужчину назвать было трудно, но по-своему он был очень привлекательным. Чеканный профиль, грубоватые черты лица и глаза ярко-синие, они казались прозрачными и бездонными одновременно. В них читались спокойствие и непоколебимая уверенность. В таких мужчин женщины влюбляются сразу и навсегда. Высокий, крепкий, сплошные мышцы, которые подчеркивала голубая футболка в обтяжку. Однако при этом он не походил на человека, который дни напролет проводит в фитнес-клубе. Владан взглянул исподлобья, точно задавая немой вопрос, а я поспешно сказала первое, что пришло в голову:

– На двери табличка «Закрето»...

– Я решил, так будет лучше, никто не помешает нашему разговору.

– Это ваше кафе?

– Моего приятеля. – Он вновь взглянул на меня и спросил: – Что вас так поразило? – и добавил: – А, волосы? Наследственность. Мой отец тоже рано поседел.

– Извините... просто я... я очень волнуюсь. – Я попыталась взять себя в руки и даже выжала из себя улыбку.

Подошла официантка и поставила передо мной чашку.

– Выпейте кофе, – кивнул Владан. – Успокойтесь и расскажите мне вашу историю.

Я схватила чашку, сделала глоток. Кофе оказался очень горячим, я закашлялась, Владан терпеливо ждал, наблюдая за мной.

– Полгода назад погибла моя подруга. Убийцу до сих пор не нашли. Я... я надеюсь, что вы мне поможете. Если честно, вы моя последняя надежда. Мне сказали, у вас не бывает неудач.

Он криво усмехнулся:

– Бывают. Иногда мне везет, но далеко не всегда. Полгода – большой срок. И если у следствия до сих пор нет зацепок...

– Я вас очень прошу.

Он кивнул, пристально меня разглядывая. «Вдруг он меня узнал? – мелькнула шальная мысль. – Нет, невозможно. Он видел десятилетнюю девчонку с косичками, а теперь я взрослая женщина».

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Двадцать четыре.

– Да? Я думал, лет двадцать. Должен предупредить, мои услуги стоят недешево.

– Сколько? – деловито спросила я.

Он взял мобильный, набрал на нем цифры и протянул мобильный мне.

– Хорошо, – кивнула я, едва взглянув.

Он опять усмехнулся:

– И где вы собираетесь взять эту сумму? – спросил насмешливо. – Кольца на пальце нет, значит, папа богатый? Извините, но вы не производите впечатление девушки, способной заработать такие деньги...

– Не беспокойтесь, деньги будут, – я решила, что прозвучало это чересчур вызывающе, и поспешно добавила: – Насчет папы вы правы.

– А он знает о ваших намерениях?

– Знает.

– В таком случае ко мне стоило обратиться вашему отцу.

– Он считает, если полицейские ничего не смогли... Послушайте, отец видит, что происходит со мной... и деньги для него роли не играют. Он сделает все возможное и невозможное, если не ради Веры, то ради меня.

– Значит, вашу подругу звали Вера? – спросил Владан. – Что ж, рассказывайте.

Я с трудом отвела взгляд от его лица, пытаюсь сосредоточиться, и теперь смотрела на татуировку на его левой руке. Красно-зеленый дракон. Голову дракона скрывал короткий рукав футболки, а хвост заканчивался ниже локтя. Присмотревшись, я поняла, что татуировка скрывает безобразный шрам с рваными краями. И невольно поежилась, представив, что это была за рана. Владан терпеливо ждал. Собравшись с силами, я начала свой рассказ, он занял совсем немного времени.

– Похоже на заказное убийство, – выслушав меня, заметил Владан.

– То же самое сказал следователь, – кивнула я. – Вот только я, да, скорее всего, и он, понятия не имеем, кто мог желать ее смерти.

– А вы хорошо знали свою подругу? – спросил Владан, и в его голосе мне вновь послышалась насмешка.

– Мы выросли вместе.

– Я не об этом. Насколько хорошо вы ее знали?

– Что вы имеете в виду? – растерялась я.

– Только то, что спросил. Иногда мы считаем, что знаем о человеке все. На деле часто выходит: не знаем ничего. У вашей подруги был парень. Они довольно долго встречались, но вы его ни разу не видели.

– В последнее время мы и с ней виделись нечасто. Так сложилось. Вера много работала...

– То есть о ее жизни вам мало что известно?

Вопрос поставил меня в тупик.

– Если бы что-то произошло, она бы непременно мне рассказала...

– Уверены?

– Да, – резко ответила я.

– Допустим, – кивнул он. – Они встречались, потом расстались. Почему?

– Я уже сказала. Вера много работала... – точно оправдываясь, заговорила я. – Телевидение, где она делала репортажи, еще писала статьи для двух газет... все это требовало времени. К тому же ее мать болела последние годы, проблемы с сердцем... в общем, на личную жизнь времени не оставалось. Как всякая девушка, она мечтала встретить молодого человека... о замужестве речь не шла, ей просто хотелось с кем-то встречаться, хотя бы иногда. Однажды она поехала с подругой на дачу, по дороге у них сломалась машина... собственно, так они с Сергеем и познакомились. Он увидел, что они стоят на дороге, помог... Они обменялись номерами мобильных, на следующий день он позвонил. Симпатичный парень... Она решила, что влюбилась. До этого у нее два года никого не было. Ну, а потом выяснилось, что между ними нет ничего общего. Люди с разных планет. Понимаете? Он сказал ей, что работает в какой-то фирме, но вскоре выяснилось: нигде он не работает. На что живет – неизвестно. Она не раз ловила его на вранье и в какой-то момент просто перестала относиться к нему серьезно. Но они продолжали встречаться от случая к случаю. Ни к чему не обязывающие отношения. Обоих это устраивало. С ним было весело, у Сергея легкий характер... и он приятный парень. Хоть и шалопай. Связывать с таким свою жизнь она не собиралась, но и обижать его не хотела. В конце концов, их встречи прекратились сами собой. Никакого разрыва с выяснением отношений не было. Он не звонил, а она и думать о нем забыла.

– Но за неделю до ее убийства он вдруг исчез? – спросил Владан.

– Об этом я узнала от следователя. В любом случае, я сомневаюсь, что Сергей затаил обиду. Если бы он вдруг появился, Вера наверняка бы не отказалась от встречи с ним. С какой стати ему убивать ее?

– Других подозреваемых, как я понял, нет? – произнес Владан.

Я кивнула.

– Была версия, что убийство связано с ее профессиональной деятельностью. Она ведь работала на телевидении. Но, по-моему, это также бесперспективно. Достаточно посмотреть ее архив, чтобы понять: вряд ли Вера смогла нажить врагов.

– Обычная девушка с обычной жизнью, – усмехнулся Владан. – Ни у кого ни малейшего повода желать ее смерти. Но ее убили. Остается предположить, на нее напал маньяк, специализирующийся на любительницах болтать по скайпу.

– Я не очень расположена шутить, – твердо сказала я, его слова показались обидными.

– А я и не шучу, – пожал Владан плечами. – Значит, никаких зацепок? Прошло полгода, и есть все шансы, что убийство так и останется нераскрытым.

– Поэтому я и обратилась к вам.

– Что ж. – Он откинулся на спинку стула, глядя на меня с сомнением, и кивнул. – Я подумаю над вашим предложением.

– Почему не ответить прямо сейчас? – задиристо спросила я, чувствуя, что краснею.

– Прежде чем согласиться, я должен взвесить свои шансы. Зачем вам тратить свои деньги впустую, а мне свое время? Обещаю дать ответ в ближайшие дни.

– Но...

– Вы ждали полгода, почему бы не подождать еще немного? – Он говорил спокойно и вежливо, но сразу становилось ясно: возражать бессмысленно.

– Пожалуйста, помогите мне, – пролепетала я.

Он нахмурился, взглянул в упор, и возникло чувство, что он видит меня насквозь, все мои мысли, страхи и сомнения с этой минуты для него уже не тайна. Не очень приятное чувство. Я постаралась выдержать его взгляд, это оказалось непросто. Он вдруг покачал головой, достал мобильный и сказал:

– Диктуйте свой номер. Я позвоню вам завтра.

После встречи с Владаном нервничала я даже больше, чем в тот момент, когда отправилась в кафе. Теперь к робкой надежде, что дело наконец сдвинется с мертвой точки, примешивались совсем другие чувства, ведь он оказался человеком, встретиться с которым я не надеялась и все же мечтала об этом. Невероятное совпадение, в него почти невозможно поверить. Теперь, вспомнив предсказание Руфины, я не сомневалась, какую встречу она имела в виду. Даже если отбросить рассказы, коими потчевал меня Юрка, того, что я сама увидела в детстве, достаточно, чтобы понять: Владан человек опасный.

Я ехала домой, а беспокойство во мне все нарастало, я даже подумала: может, и хорошо, если он вдруг откажется. Но подобная перспектива тут же вызвала страх. Нет, нет и нет. Кем бы он ни был, я не хочу, чтобы он вновь исчез из моей жизни.

Свернув во двор, возле своего подъезда я увидела Юрку, он сидел на скамейке и возился с айфоном, как большинство мужчин, не знающих, чем себя занять. Увидев меня, вскочил и направился к моей машине.

– Ну, как все прошло? – спросил настороженно, стоило мне захлопнуть дверь своей «Ауди».

– Он сказал, что подумает и завтра даст ответ. – Появление Юрки было некстати, мне хотелось остаться одной, вдоволь покопаться в своих ощущениях. Уж очень противоречивыми они были.

– И как впечатление?

– Надеюсь, он согласится.

– Я не об этом. Как он сам?

– В общем-то, ничего выдающегося. Выглядит лет на тридцать, хотя волосы совершенно седые.

– Значит, это правда, – удовлетворенно кивнул Юрка.

– Что правда? – не поняла я.

– Мой приятель рассказывал, этот Владан посидел за одну ночь. Доведись мне пережить такое, я бы попросту свихнулся...

– Еще одна офигительная история? – фыркнула я, направляясь к двери подъезда. – Зайдешь? – спросила я Юрку.

– На пять минут, у меня работа... просто не терпелось узнать, какое он произвел

впечатление.

– Сильное, – вздохнула я. – Хотя довольно трудно объяснить, что в нем такого особенного... А что за история?

Мы уже вошли в квартиру, пока я искала тапочки, Юрка прошел в кухню и запустил кофе-машину. Стоя ко мне спиной, покачал головой, словно бы сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Совершенно дикая...

– Как и все рассказы о нем. Ты собираешься испытывать мое терпение или наконец ее поведаешь?

– Не уверен, что тебе надо ее знать.

– Тогда тебе следовало бы помалкивать, но если уж на это ума не хватило, будь любезен рассказать.

– У него была девушка, – с воодушевлением начал Юрка, ставя передо мной чашку с кофе. Глаза его горели, на лицо пал отблеск вдохновения. Я решила, что, несмотря на недавние слова, рассказать очередную историю ему попросту не терпится, а еще подумала: мы с ним совсем как дети. Чужая жизнь так нас увлекла, что болтовня о подвигах Владана стала чем-то совершенно необходимым, как доза для наркомана. – Говорят, он так любил ее, что без сожаления отдал бы за нее свою жизнь. Они служили в одном отряде. Подробности я не знаю, короче, речь шла о каких-то важных сведениях, которые они должны были доставить своему командованию, пройдя через вражеские патрули. Задание оказалось очень опасным. Сначала им везло, но когда их в очередной раз остановили, их рассказ о том, что они брат и сестра, направляющиеся к родственникам, вызвал подозрения. Их тщательно обыскали, но ничего не нашли, потому что девушка успела незаметно проглотить микрочип, который надо было доставить. Их заперли в каком-то сарае, однако им удалось сбежать. Они угнали армейский джип, за ними бросились в погоню. Началась стрельба, и девушка погибла. Владан это не сразу понял, только после того, как выстрелы стихли и стало ясно: им удалось уйти.

– Это все? – спросила я, когда Юрка вдруг замолчал.

– Нет. Ему пришлось бросить машину и дальше добираться пешком. Он не мог взять с собой девушку, понимаешь? А микрочип был в ее теле. Чтобы выполнить задание, его необходимо было извлечь.

– Ты хочешь сказать... – начала я и замолчала, во все глаза глядя на Юрку.

– Да, – медленно кивнул он. – Ему пришлось кромсать тело любимой. Так он посидел в одну ночь.

– О, Господи, – выдохнула я. – Да этого просто быть не может!.. – Тут я поняла, что ору, а Юрка под моим гневным взглядом пожимает плечами. – По-моему, это чушь собачья, – сказала я куда спокойнее. – Надеюсь, не сам Владан такое выдумал. А может, он чокнутый? Спятил на войне, такое случается. Вот и рассказывает небылицы.

Я представила Владана, который в теплой мужской компании ведет разговоры по душам, и вынуждена была признать: это еще менее вероятно, чем Юркина история. Он точно не из тех, кто любит о себе потрепаться. Но откуда тогда все эти жуткие истории?

– Ладно, я побежал, – поднимаясь из-за стола, сказал Юрка и направился к входной двери.

А я пожалела, что он ушел. Теперь стало ясно, мне просто необходимо с кем-то поговорить. С грустью пришлось констатировать: рядом нет друзей, которым я могла бы

довериться. Только папа и Руфина. Но ни ей, ни ему я, по неведомой причине, не хотела рассказывать о том, что произошло однажды ночью четырнадцать лет назад. А без этого объяснить, почему наша встреча так меня поразила, не представлялось возможным. «У меня нет друзей, – с горечью подумала я. – Друзья – это те, от кого не нужно что-то скрывать. А вся моя жизнь – сплошные недомолвки. Я всегда боялась сказать правду. Если молчать о ней, можно убедить себя и других, что ничего ужасного не происходит».

Владан позвонил после обеда. Само собой, все это время я места себе не находила. Он говорил, что ему надо подумать. На самом деле он, скорее всего, наводил справки, чтобы знать о предстоящем деле не только с моих слов. Если верить слухам, у него есть связи, а значит, есть возможности. Обо мне он тоже решил навести справки? И теперь знает всю мою подноготную? При этой мысли я так стиснула зубы, что челюсти заломило. А когда услышала звонок мобильного, бросилась к нему со всех ног, умудрилась споткнуться и растянулась на полу. Схватив мобильный, сказала отрывисто:

– Да, – и замерла.

– Здравствуйте. – Его голос звучал сдержанно, и я с ужасом подумала: он откажется. – Я обдумал ваше предложение.

– И... и что?

– Попытаюсь вам помочь.

– Спасибо, – выдохнула я и заговорила деловито: – Куда перевести деньги?

– Заплатите, когда я закончу работу. На возможные расходы достаточно тысяч двадцать, если понадобится больше, я скажу. Вы говорили, у вас есть архив подруги? Захватите его. Жду вас в своем офисе. – Он назвал адрес.

– Когда можно подъехать? – спросила я.

– Прямо сейчас. Советую взять такси. – Он отключился, а я заметалась по комнате. Без особого толка, надо сказать. Однако вскоре смогла успокоиться. Сунула в сумку ноутбук, проверила, есть ли в кошельке деньги, и, схватив ключи от машины, спустилась во двор.

Владан советовал взять такси, я не очень поняла, зачем это делать, и в некотором сомнении потопталась возле своей «Ауди». Может, он не хочет, чтобы нас видели вместе, то есть видели мою машину возле его офиса? Но если он займется расследованием, о нашем знакомстве в любом случае узнают. Мысленно махнув рукой, я села в машину. В конце концов, он сказал «советую», значит, выбор оставил за мной.

Офис Владана находился в районе, прозванном Ямой. Такому названию район был обязан своему месторасположению. Наш город изначально строился возле реки, места здесь холмистые, старинный собор и прочее историческое наследие находятся на вершинах холмов. А между ними узкие улочки и переулки, в хитросплетениях которых немудрено заблудиться. Лет тридцать назад центральные улицы расширили, часть старых, обветшалых домов снесли. Однако новшества совсем не коснулись района старого рынка, расположен он между трех холмов, в низине. Яма, одним словом. В этом названии крылся еще некий смысл. Вокруг рынка лепились ветхие домишки, в основном, частный сектор. Их облюбовали выходцы с Кавказа и Средней Азии. Потихоньку скупали дома, и теперь русскую речь там услышишь нечасто. По крайней мере, если верить тем, кому по душе лозунги «Россия для русских». Так это или нет, одно несомненно: район считался неблагополучным. В темное время суток туда лучше не соваться, и таксисты больше двух минут клиентов там не ждали. Те из жителей, кто мог себе это позволить, давно его покинули. Лет пять назад власти

предпринимали очередную попытку придать Яме презентабельный вид, и здесь началось строительство многоквартирных домов. Однако затея провалилась. Цена за квадратный метр была ниже, чем в других районах города, но и это не помогало. Часть квартир так и остались непроданными, а те, что удалось продать, купили все те же выходцы с Кавказа. Недавно тут открыли мечеть. Открытие новой мечети одни считали своей победой, другие безусловным поражением. Сколько здесь живет нелегалов, приходилось лишь гадать, их становилось все больше, а напряжение и взаимное противостояние с годами росло. То, что Владан выбрал подобное место для своего офиса, вызывало недоумение. Хотя, может быть, все просто: его привлекла низкая цена на офисные помещения.

Поплутав немного по переулкам, я оказалась возле трехэтажного здания с номером двадцать девять на фасаде. Обычный жилой дом, на окнах занавески, на подоконниках цветы. Вход со двора, но со стороны фасада тоже была дверь, пластиковая, с большим стеклом. К ней вели три ступени, выложенные плиткой. «Кому взбрело в голову в таком месте поставить стеклянную дверь? – подумала я и сама ответила на этот вопрос: – «Дом двадцать девять, вход с фасада», – сказал Владан. Должно быть, он выкупил одну из квартир и устроил в ней офис».

Рядом с дверью два окна, тоже пластиковые. Прочие окна дома с деревянными рамами, краска на них облупилась, одна из форточек болталась на единственной петле, создавая угрозу для прохожих. Прямо возле двери стоял новенький спортивный автомобиль. «Мазератти», – присвистнула я. Ее присутствие здесь казалось совершенно неуместным.

Припарковавшись рядом, я вышла из машины. Из подворотни напротив появились двое подростков и, привалившись к стене дома, наблюдали за мной. Один что-то сказал другому, кивнув на меня, и оба засмеялись. А я поспешила к застекленной двери, чувствуя на себе их взгляды. Никакой таблички рядом с дверью не было, но это не удивило, Юрка предупреждал, что Владан в рекламе не нуждается. Дверь оказалась приоткрытой. Толкнув ее, я вошла в просторную комнату. Прямо напротив за столом сидел Марич. Обстановка офиса спартанская: стол, два кресла, стеллаж, совершенно пустой, если не считать дюжины пивных кружек, должно быть, хозяин их коллекционировал, шкаф с лакированными створками и диван в углу. У дивана был такой вид, точно не одно поколение алкоголиков отлеживало на нем бока, находясь в прострации. На столе стоял ноутбук, рядом принтер. На окнах жалюзи, сейчас приподнятые. Не знаю, чего я ожидала, но точно не этого. Особенно после лицезрения «Мазератти» под окнами. Мужчин не поймешь. Любят дорогие игрушки, при этом откровенное убожество обстановки их вроде бы совсем не волнует.

– Здравствуйте, – сказала я, продолжая оглядываться.

– Привет, – сказал Владан.

Ожидая меня, он просматривал газету, теперь отложил ее в сторону и кивнул на кресло, что стояло напротив.

– Это ваша машина? – спросила я, ткнув пальцем в сторону окна.

– Моя, – усмехнулся Владан. – У каждого есть слабости.

– Ваши мне нравятся.

– Мне тоже.

Стоило мне увидеть его, как я опять разволновалась, оттого и болтала, хотя, наверное, следовало проявить сдержанность. Я торопливо достала из сумки деньги, протянула Владану.

– Вот двадцать тысяч, как вы сказали... архив в моем ноутбуке.

Он взял деньги, достал из ящика стола лист бумаги, написал расписку и отдал листок мне.

– В этом нет необходимости, – покачала я головой.

– У меня свои правила, – возразил он спокойно. Пришлось убрать расписку в сумку.

– Спасибо, что согласились, – пробормотала я, не зная, что еще сказать.

Он кивнул. Понять это предлагалось как угодно.

– Можно вопрос? – решила я.

– Валяйте.

– Вы наводили обо мне справки?

Он откинулся на спинку кресла, помолчал немного и спросил:

– А надо было?

– Да или нет?

– Меня не интересуют ваши тайны, если они есть, конечно. При условии, что они никак не связаны с убийством, – усмехнулся он.

– Не связаны.

Я смотрела на него, гадая, знает или нет? Лицо абсолютно непроницаемо. А вот во взгляде читался вопрос, словно он ждал от меня чего-то. Я кивнула на свой ноутбук.

– Здесь черновые записи, не только то, что выходило в эфир. – Он вновь кивнул, продолжая меня разглядывать. – У меня есть условие, – собравшись с духом, сказала я и тут же смешалась. – Не условие, просьба.

– Я слушаю, слушаю, – сказал он, когда я замолчала, силясь подобрать нужные слова.

– Я бы хотела... я бы хотела быть рядом. Участвовать в расследовании.

Он опять надолго замолчал, а я испуганно решила: сейчас он меня выгонит. Молча укажет на дверь...

– Думаете, это очень увлекательно? – наконец спросил он.

– Нет. Боюсь свихнуться, сидя в четырех стенах и ожидая результатов.

– Хорошо, – пожав плечами, неожиданно легко согласился он. – Только имейте в виду, начнете мне надоедать, отправлю домой в два счета.

– Вы можете говорить мне «ты», – выпалила я, еще не веря в удачу.

Он в очередной раз окинул меня внимательным взглядом.

– Как скажешь. Тогда и тебе стоит перейти на «ты».

– Я попробую.

– Трудно «тыкать» взрослому дяде? – засмеялся он.

– Вы выглядите лет на тридцать, – сказала я.

– К сожалению, мне куда больше. Но за комплимент спасибо. Что ж, давай займемся архивом.

Я включила ноутбук, Владан передвинул кресло ближе ко мне, а на экране появилось изображение. Вера стояла с микрофоном в руках, я услышала ее голос:

– Сегодня в областном Дворце культуры проходит открытие фестиваля...

А меня внезапно поразила мысль: передо мной Вера, улыбающаяся, беззаботная, точно от смерти ее отделяли десятилетия, а между тем запись сделана всего за несколько часов до гибели моей подруги. Но Вера не чувствовала на себе ее ледяного дыхания, она даже не подозревала, что стоит к ней почти вплотную, и песчинки в часах, отмеренные ей, уже почти вытекли. Почувствовав дурноту, я прикрыла глаза. Владан, повернув голову, смотрел на меня. Я, ощутив его взгляд, внимательный и серьезный, поспешила взять себя в руки и вновь

оставилась на экран.

– Это всегда тяжело, – вдруг сказал Марич.

– Что? – не поняла я.

– Просматривать видеозаписи, на которых они еще живы.

– Они? – задала я вопрос.

– Те, кого скоро не станет. Ты уже знаешь об этом, а они еще нет.

Значит, он чувствует то же самое, что и я. В этом не было ничего удивительного, но я мгновенно прониклась благодарностью к нему, а вслед за этим возникло ощущение узнаваемости и давней привязанности, точно он был рядом все эти годы и мы давно научились понимать друг друга без слов.

– Давай с самого начала, – сказал он, я кивнула, а Вера вновь произнесла:

– Сегодня в областном Дворце культуры...

– Она делала репортажи о фестивалях, выставках кошек... и никогда о политике, – торопливо произнесла я. – У нее не было, не могло быть врагов.

– Да-да, я понял, – кивнул Владан, пристально глядя на экран.

– Сделай крупный план толпы на входе, – услышала я голос Веры. – И афишу возьми в кадр.

– Не учи, – ответил ей Юрка.

– И людей, которые подходят с остановки...

– Любой каприз, хоть всю улицу сниму...

И тут Владан остановил изображение. В кадре люди поднимались по ступеням здания, но не они, как выяснилось, заинтересовали его. Он ткнул пальцем в угол экрана. Возле темного джипа стоял мужчина, привалившись к крылу машины. Лицо точно смазанное. Бритый наголо, в куртке нараспашку. Он смотрел прямо перед собой, туда, где должна была находиться Вера, но в кадр она не попала.

– Когда-нибудь видела его? – спросил Владан.

– Не могу вспомнить никого из знакомых Веры, кто брил бы голову. Почему ты обратил на него внимание?

– Сомневаюсь, что его мог заинтересовать фестиваль джазовой музыки.

– Ты знаешь этого человека? Лицо невозможно разглядеть.

– Я вижу достаточно, чтобы понять, кто передо мной.

– И кто же?

– Кличка у этого типа Флинт. В сфере его деятельности наркота, проституция и прочее в том же духе.

– Какое отношение он может иметь к Вере? – нахмурилась я.

– Вот это как раз интересно.

– Он просто стоит возле машины... ехал мимо, увидел толпу, телевизионщиков и решил взглянуть, что происходит.

– Возможно. Но возможно и другое.

– Он наблюдал за моей подругой?

Владан увеличил изображение, щелкнул ногтем по физиономии бритого на экране и кивнул:

– Точно, Флинт.

– Флинт – это кличка?

– Разумеется. Одно веко у него не открывается полностью, кто-то решил, что он похож

на пирата. Давай посмотрим все видеозаписи, вдруг он засветился еще где-то.

На это ушло часа два. Все записи, сделанные за последний год жизни Веры, были нами тщательно изучены, но ни Флинт, ни кто-либо еще, способный вызвать наши подозрения, так и не появился на экране.

– Мне кажется, это случайность, – разочарованно сказала я. – Мы видели его только раз, и я попросту не представляю, что его может связывать с Верой. Следователи просматривали записи и должны были бы обратить внимание на этого типа.

– А кто сказал, что не обратили? – усмехнулся Владан, а я вдруг вспомнила разговоры, что гибель Веры каким-то образом связана с наркотиками. Я считала их глупостью, не заслуживающей внимания. Видимо, что-то отразилось на моей физиономии. – Что? – спросил Владан, приглядываясь ко мне.

– Были разговоры...

– Разговоры о чем? – пришлось ответить. – Что ж, слухи на пустом месте не возникают. Попробуем узнать, что могло связывать Флинта и твою подругу.

– Я не собираюсь учить тебя вести расследование, но в данном случае мы только зря потратим время. Веру бы никогда не заинтересовал подобный мужчина. Он не в ее вкусе, и уж тем более невозможно представить, что она имела хоть какое-то отношение к наркотикам.

– Другой зацепки, как я понял, у нас нет, – спокойно выслушав меня, пожал Владан плечами.

– Что ты собираешься делать? – помолчав, задала я вопрос. – Я имею в виду... встретимся с этим Флинтом? – Я и сама поняла, какую глупость сморозила, и покраснела от досады.

Но Владан, услышав это, не стал усмехаться, делать замечания или каким-то еще способом демонстрировать свое отношение к моим словам. Лицо его оставалось непроницаемым, а голос ровным.

– Для начала узнаем, чем он занят сейчас и чем занимался полгода назад. Если появится что-то интересное... тогда можно и поговорить. Вообще-то такие типы не любят откровенничать, так что прижать его придется основательно.

– Извини, – пробормотала я.

– За что?

– Наверное, мне не следовало лезть с замечаниями.

– Когда я решу, что это действует мне на нервы, непременно сообщу, а пока говори в свое удовольствие. Вечером я собираюсь заглянуть в пару-тройку мест. Те, кто меня интересуется, днем обычно отсыпаются и только ближе к ночи выползают на улицу.

– Я могу поехать с тобой?

– Если захочешь, а пока я еще раз просмотрю записи.

Я скопировала видеоматериалы и положила диск на стол. Стало ясно, пора уходить. Я поднялась, Владан первым направился к двери, должно быть, решив меня проводить.

– Тогда я жду звонка, – сказала я неуверенно.

Он кивнул, распахивая дверь и пропуская меня вперед. Мы оказались совсем близко друг к другу. Сегодня он был в белой рубашке навыпуск, длинные рукава закатаны до локтя, верхние пуговицы расстегнуты. На кармане крохотная золотая монограмма, на нее я и смотрела, боясь встретиться с ним взглядом. Мне вдруг показалось, что в комнате нестерпимо душно, я чувствовала, как пылает мое лицо, и даже боялась представить, что

может подумать обо мне Владан. Однако уже через минуту у меня появился иной повод для переживаний: оба задних колеса моей машины оказались спущены, не просто спущены, их вспороли ножом или еще каким-то острым предметом. «Чертов район», – со злостью подумала я.

– Потому я и советовал приехать на такси, – разглядывая колеса, заметил Владан.

Стайка мальчишек, посмеиваясь, наблюдала за нами. Самый младший, лет тринадцати, сделав неприличный жест, громко засмеялся. Но стоило Владану взглянуть в их сторону, как мальчишки мгновенно исчезли в подворотне.

– Садись, – кивнул Владан на «Мазератти» и устроился за рулем.

Очень скоро мы оказались в соседнем переулке, мальчишки как раз вывернули из-за угла. Увидев нас, бросились врассыпную, Владан, резко затормозив, выскочил из машины и ухватил за шиворот самого нерасторопного. Он выглядел чуть старше остальных, и в их компании он наверняка был заводилой. Пять минут назад он стоял, вальяжно сунув руки в карманы, привалившись спиной к стене, презрительно вздернув губу, наблюдая за моей растерянной физиономией, когда я таращилась на колеса своей «Ауди», а теперь втянул голову в плечи и боялся поднять глаза. Моя недавняя злость мгновенно прошла, лишь только я поняла, как он напуган. На всякий случай я тоже вышла из машины, готовясь вмешаться, если Владан пойдет слишком далеко в своем желании наказать негодника.

– Кто это сделал? – спросил он, в голосе не было и намека на раздражение. Тем же тоном он мог поинтересоваться, который час. Парнишка молчал, зажмурившись. Владан легонько потрянул его:

– Кто, я спрашиваю?

– Алик, – пробормотал подросток. Владан разжал руку и вернулся к машине. – Я говорил ему... я говорил, но он не слушал, – сказал парнишка с обидой и побрел по улице, ссутулившись.

– Придется вызывать эвакуатор, – заметила я, садясь в машину.

Владан не ответил. Я-то думала, мы вернемся к офису, но очень скоро мы тормозили возле овощного магазинчика. Дверь распахнута настежь, рядом, прямо на тротуаре, стояли ящики с товаром.

– Подожди здесь, – сказал Владан, но я пошла с ним.

Магазин оказался совсем крохотным, все свободное пространство занимали ящики с овощами и фруктами, у стены прилавок с весами и чековым аппаратом. На стене в рамочке пожелтевший свиток с арабской вязью. Должно быть, изречение из Корана. Подобные я видела в Арабских Эмиратах. За прилавком стоял молодой мужчина и смотрел телевизор, маленький, с черно-белым изображением, тот был прикреплен к стене напротив. За спиной мужчины располагался вход в подсобку, завешенный шторой из бамбука. Когда мы входили в магазин, я успела уловить какое-то движение в той стороне, точно кто-то при нашем появлении поспешил убраться с глаз долой. Бамбуковые палочки все еще плавно покачивались.

– Привет, – сказал Владан.

– Добрый день, – ответил мужчина. Настороженно взглянул и тут же улыбнулся: – Все свежее. Только сегодня привез...

– Где Алик? – спросил Владан, приближаясь к прилавку, я осталась стоять возле открытой двери.

– На улице, – пожал плечами мужчина. – Зачем он тебе?

- Твой брат проколол колеса у машины вот этой девушки.
- Ай-яй-яй, – поцокал тот языком. – Нехорошо. Что поделаешь. Дети всегда шалят.
- Не пора ли растолковать ему, что такие шалости добром не кончатся?
- Он никого не слушает.
- А ты постарайся быть услышанным. Или ему это растолкует кто-то другой.
- Ему всего тринадцать, они в этом возрасте все такие. В следующий раз пусть девушка ставит машину в другом месте.
- В следующий раз твоему брату лучше позаботиться о том, чтоб с ее машиной ничего не случилось.
- Я не отвечаю за брата, – резко возразил торговец и махнул рукой.
- Это ты так думаешь, – ответил Владан, перехватил его руку и молниеносным движением вывернул ему пальцы.

Я отчетливо слышала хруст, мужчина вскрикнул от боли и побледнел. А из подсобки появился мальчишка, тот самый Алик. Лицо его пылало, рот кривился, правую руку он держал за своей спиной, дрожа всем телом.

- Ты все слышал? – спросил его Владан. – Если ты такой герой, чего за брата прячешься?
- Ты... – с трудом произнес мальчишка, – ты... ты просто нас ненавидишь.
- Вот как? – вроде бы удивился Владан.
- Все знают, – зло добавил Алик, а я замерла в страхе, не зная, как прекратить все это.

Конечно, мальчишка заслуживал хорошей порки, но ломать пальцы его брату... Да этот Владан просто псих...

– Ты колеса проткнул, потому что у девушки кожа светлее, чем твоя, или просто ее тачке позавидовал? – спросил Владан с усмешкой. Глаза мальчика потемнели от гнева, он дернулся, и я увидела, как сверкнуло лезвие ножа в его руке. – Поразмышляй об этом, – продолжил Владан. – И запомни. Если взялся за оружие, ты уже не ребенок. И отвечать будешь, как мужчина.

Владан развернулся и направился к двери. Оба брата смотрели ему вслед, один придерживал ладонью искалеченную руку, в глазах младшего закипали слезы. Едва держась на ногах, я последовала за Маричем.

– Владелец «Мазератти» может позволить себе офис в другом районе, – сказала я, садясь рядом с ним в машину.

– Это мой район, – ответил он. – Я здесь вырос и уезжать отсюда не собираюсь.

А меня прорвало:

– Вот оно что... «очистим город от инородцев»?

– Звучит довольно забавно, учитывая мое имя и фамилию. Кстати, это у твоей машины колеса проткнули.

– Но это не повод устраивать вендетту.

Он взглянул на меня, а я невольно поежилась. Хмурое, с тяжелыми чертами лицо, резко очерченный подбородок и глаза... Сейчас, глядя в них, я чувствовала себя так, будто попала в мрачный подвал, из которого нет выхода.

– Налицо несовпадение мировоззрений, – усмехнулся Владан. – У тебя еще есть возможность отказаться от моих услуг.

– Не дожدهшься, – буркнула я, отворачиваясь к окну.

Он засмеялся:

– На самом деле мы здесь неплохо уживаемся, хотя человеку со стороны понять, что к

чему, нелегко.

– Здесь – это в Яме?

– Ага. Отличный район, а сердца у нас у всех просто золотые.

Мы вернулись к офису, тут меня ждал очередной сюрприз. Моя машина исчезла. На тротуаре, поставив ноги на проезжую часть улицы, сидел чумазый мальчишка лет восьми с копной иссиня-черных волос и грыз яблоко. «Вот и все, чего этот псих добился, – с тоской подумала я. – Мою машину угнали». Владана ее исчезновение отнюдь не смутило. Он притормозил, открыл окно, а мальчишка поднялся и, сунув голову в кабину, сказал солидно, уж очень по-взрослому:

– Дядя Ашот машину увез, через час все будет готово.

Мальчик трепетно провел ладошкой по рулю и спросил совсем другим тоном:

– Прокатишь?

– Садись. – Владан распахнул дверь, мальчишка с сияющим лицом устроился на его коленях, вцепившись руками в руль. И мы покатали по улице. – Как мать? – спросил Владан, ехал он не спеша, желая продлить удовольствие ребенку.

– Теперь нормально. На следующей неделе обещали выписать. Велела тебе привет передать.

– Скажи ей, пусть ни о чем не беспокоится.

Владан надавил педаль газа, и машина рванула вперед, а мальчишка завизжал от восторга. Вскоре мы тормозили возле авторемонтной мастерской, размещалась она в старом кирпичном гараже. Навстречу нам вышел пожилой мужчина и приветливо помахал рукой.

– Ребята скоро закончат, – сказал он, когда мы втроем вышли из машины. Они с Маричем обменялись рукопожатием и обнялись, похлопывая друг друга по спине. – Выпьем чаю... как девушку зовут?

– Полина.

– Красивая девушка, и имя красивое. Жаль, что так получилось с твоей машиной, – продолжил он, с улыбкой глядя на меня. – Не сердись. У нас хороший район...

– Ага, – не удержалась я. – И сердца у всех золотые.

– Правильно сказала, – засмеялся он, вроде бы не замечая иронии. – В любое время обращайся, красавица. Дядя Ашот все сделает в лучшем виде. Друзья Владана – мои друзья.

Мы прошли в маленькое помещение, пристроенное к гаражу, что-то вроде кабинета. Чистенько, уютно. Старый диван был застелен ковром. Хозяин заварил чай, мы устроились за низким столиком, стоявшим возле дивана. Мальчишка вернулся к машине Владана и устроился в кабине. В открытую дверь я видела, как он, захлебываясь от счастья, изображает работу двигателя и крутит руль. Может, я и вправду чего-то не понимаю?

Минут через сорок мне вернули «Ауди», денег за работу не взяли, что, впрочем, не удивило. Возле автомастерской мы и простились с Владаном, я отправилась домой, договорившись, что часов в девять вечера он за мной заедет.

Оказавшись в квартире, я устроилась за компьютером, очень жалея, что не могу позвонить Руфине. То есть, конечно, позвонить могу, но в это время она, скорее всего, спит. Придется ждать до утра. Мне хотелось поговорить с ней о человеке, с которым меня так странно свела судьба. Все мои мысли были заняты им, а отнюдь не предстоящим расследованием. По этой причине я чувствовала себя виноватой, едва ли не предателем. К тому же после инцидента в Яме я сомневалась, что вообще поступила правильно, обратившись к нему. Владан верно сказал, мы люди из разных миров и сможем ли

существовать рядом, большой вопрос. И вместе с тем я не хотела, да и не могла отказаться от совместного расследования. Романтический образ, созданный моей детской фантазией, явно не соответствовал реальному Владану, но из-за этого не стал менее притягательным.

Конечно, его гестаповские методы вызывали у меня протест, и вместе с тем я отдавала себе отчет, что у него куда больше шансов отыскать убийцу именно из-за его решимости добиваться цели любыми средствами. Данное открытие добавило переживаний, я поспешила успокоить себя тем, что, находясь рядом, не позволю ему перейти разумные границы, и мрачно усмехнулась: сегодня я тоже была рядом, и что? «Сегодня я была не готова, – мысленно оправдывалась я. – Только это и не позволило мне вмешаться». И вновь усмехнулась, подловив себя на вранье. Окажись на месте Владана кто-то другой, я бы, ни секунды не раздумывая, отказалась от его услуг и поторопилась вычеркнуть из своей жизни. А сейчас просто придумывала себе оправдания и вновь обманывала себя, считая, что смогу как-то на него повлиять. Если отбросить все лживые доводы, выходило следующее: наша встреча через столько лет произвела впечатление, не просто впечатление... Я не сомневалась, что она действительно изменит мою дальнейшую жизнь. Вот только никто не обещал, что это принесет мне счастье. Один раз я уже обожглась и теперь со страхом думала, что все может повториться вновь... Боль, с которой невозможно справиться, гнетущая тоска – они были моими спутниками весь прошедший год. «Я не ребенок, – утешала я себя. – Не глупая девчонка, которую легко обмануть. Я не позволю этому случиться еще раз... и влюбляться в него тоже не собираюсь».

Сама по себе эта мысль уже настораживала, а ближе к девяти я вдруг задумалась, что следует надеть, и полчаса проторчала в гардеробной, потом нашла косметичку, о существовании которой вроде бы забыла на целый год, и с особой тщательностью подкрасилась, бормоча при этом: «Неизвестно, куда нам сегодня доведется заглянуть, на всякий случай лучше быть во всеоружии». Глупость несусветная, и означала она лишь одно: я хотела выглядеть привлекательной в глазах Владана. «А почему бы, в самом деле, не влюбиться? – не на шутку разошлась я. – Клин клином вышибают». Учитывая то, чему я сегодня стала свидетелем, больше бы подошла другая пословица: «Из огня да в полымя».

Наконец позвонил Владан, прервав мои затянувшиеся душевные мытарства. Спросил адрес и сказал, что подъедет через несколько минут. А я, взглянув на себя в зеркало в прихожей, раздраженно произнесла: «Вырядилась, как на свидание». Желая себе что-то доказать (что, и сама толком не понимала), я сменила платье лососевого цвета, любимое, в котором считала себя настоящей красавицей, на джинсы и футболку. Подумала смыть макияж, но так далеко заходить не стала.

Выйдя из подъезда, я увидела «Рендровер», свернувший в наш двор, и с некоторым удивлением обнаружила за рулем Владана. Он посигналил, останавливаясь рядом, я села в машину и сказала с усмешкой:

– Дорогие у тебя привычки.

– Есть еще мотоцикл, – кивнул он совершенно серьезно. – Вообще-то я мечтаю о «Кадиллаке» образца пятьдесят шестого года. Найду убийцу, получу деньги и, возможно, осуществлю свою мечту. А ты о чем мечтаешь?

Вопрос поставил меня в тупик. Проще всего было ответить какую-нибудь глупость, но я задумалась, вот тут-то и выяснилось, что с мечтами у меня туго. Найти убийцу Веры – это цель. Но мечта... мечта – совсем другое. И у меня нет ни одной. Даже малюсенькой.

– Я мечтаю о том, чтобы люди относились друг к другу с уважением и любовью, – съязвила я, пытаясь скрыть легкую панику от своего внезапного открытия.

– Примерно это я и ожидал услышать, – сказал Владан без тени насмешки. – Девушка вроде тебя должна мыслить масштабно, с пользой для всего человечества.

– А тебе что мешает?

– Жизненный опыт. Ко всем с любовью точно не получится.

– Куда мы едем? – решила я сменить тему.

– Прокатимся по городу.

Мы доехали до Соборной площади и свернули на параллельную улицу. Она славилась тем, что здесь располагались три ночных клуба, несколько ресторанов, две гостиницы, где номера сдавали не на сутки, а на пару часов, с десятков массажных салонов и прочее в том же духе. «Средоточие всех пороков», как однажды заметила Вера. Собственно, от нее я и узнала о гостиницах с почасовой оплатой и других радостях. Один из депутатов выразился куда цветистее: «гнойная язва на теле нашего города». Своего мнения у меня на сей счет не было. Ни в одном ночном клубе я не была ни разу, не говоря уж о массажных салонах. А вот Вера охотно заглядывала в ночной клуб «Дива», когда было время и желание, и отзывалась о нем совсем неплохо. Меня с собой звала, но большое скопление народа всегда меня пугало. В общем, сидя в машине, я с любопытством таращилась в окно, но пока ничего заслуживающего внимания узреть не успела. И на парня, что торчал в подворотне рядом с кабаре «Лолита», тоже внимания не обратила. Зато на него обратил внимание мой спутник. Открыл окно с моей стороны, перегнувшись к нему, свистнул, после чего, проехав чуть вперед, остановился. Парень покинул подворотню, огляделся, точно проверяя, не следует ли кто за ним, и поспешно направился к нам. Устроился на заднем сиденье и сказал:

– Привет.

– Привет, – отозвался Владан.

Я повернулась, чтобы разглядеть парня получше, а он усмехнулся:

– Да ты с девушкой? Решил развлечься? Могу посоветовать одно местечко, сегодня там классное шоу... Хотя туда лучше завернуть одному. – Он весело фыркнул и мне подмигнул.

Выглядел моим ровесником, лет двадцати с небольшим. Лицо вроде бы симпатичное, и вместе с тем было в нем что-то отталкивающее, взгляд метался туда-сюда, ни на чем подолгу не задерживаясь. Физиономию парня украшал синяк, успевший пожелтеть, он пытался замазать его тональным кремом, но вышло только хуже, кожа на лице шелушилась, из-за чего грим выглядел так, точно парень просто забыл умыться. Зубы, несмотря на молодость, желтые, а он словно нарочно скалил их. Парень был в потасканной рубашке и джинсах, ко всему прочему ему не мешало бы помыться.

Он снял бейсболку и принялся вертеть ее в руках, поглядывая на Владана. Тот, не обращая внимания на болтовню неряхи, достал из бардачка лист бумаги и сунул ему под нос.

– Знаешь, кто это?

Я проявила любопытство и тоже посмотрела. Распечатанный на принтере кадр из видеофильма, где Флинт стоит возле своей машины. Парень взглянул мельком и поспешно вернул бумагу:

– Не-а.

– Посмотри внимательней, – сказал Владан.

– А чего тут увидишь? Дерьмо фотография, морда смазана.

– Внимательнее, Боря, внимательнее.

Чем небрежней и распевнее говорил Владан, тем явственнее угадывалась исходящая от него угроза. Боря погрузился.

– Ну, вроде на Флинта похож.

– Расскажи мне о нем.

– О Флинте? Что такого я могу рассказать, чего ты сам не знаешь?

Владан повернулся, ухватил парня за волосы и, сунув его голову между сидений, ткнул лицом в панель, из которой торчал рычаг переключения скоростей.

– Отпусти, – взмолился парень.

Владан разжал пальцы, и Борис принял вертикальное положение. Потрогал свой нос и сказал, поморщившись:

– Я маленький человек, а этот чувак – ходячий смертный приговор. Ничего о его делах я знать не хочу, и про твои тоже. Потому что по мне, так ты даже хуже.

– Чего-то ты сегодня храбрый, – удивился Владан.

– Болтают, что Флинт последнее время какой-то дерганый. Вроде Бад им недоволен. То ли у них товар увели, то ли просто черная кошка между ними пробежала. Больше ничего не знаю.

– Точно?

– Да будь я проклят. Если хочешь, поспрашиваю кое у кого...

– Только аккуратней.

– Само собой. Все? – Он уже намылился выскользнуть из машины, но Владан, вновь открыв бардачок, протянул ему фотографию. Эта была куда лучшего качества.

На фотографии мужчина лет двадцати семи со светлыми волосами, широкой улыбкой и ямочкой на подбородке. На этот раз Борька разглядывал фотографию очень внимательно.

– Рожа знакомая, – кивнул он. – Как звать, не знаю, но вроде я видел его пару раз в компании Флинта.

– Вроде?

– Слушай, я когда под кайфом, в голове ничего долго не держится. Говорю, рожа знакомая. Ошивался здесь. Спроси Гошу Кондратьева, он-то уж точно знает, если этот красавчик водит дружбу с Флинтом, – сказал он, возвращая фотографию.

– Где Гошу стоит поискать? – спросил Владан.

– После одиннадцати в «Диве» обязательно появится. Там его точка. Пойду я, ладно?

Владан молча кивнул, и парень поспешил нас покинуть. А мы поехали дальше. Я взяла фотографию и спросила:

– Кто это?

– Приятель твоей подруги.

– Сергей?

– Он самый.

– Откуда у тебя его фотография? – удивилась я.

Владан посмотрел с сожалением, точно я сморозила несусветную глупость, и отвернулся. Потом включил радио, как видно, не желая продолжать беседу, но почти сразу же выключил.

– Оставь, – попросила я, песня мне нравилась. И голос певицы тоже. Само собой, песня была о несчастной любви. Радио он все-таки включил, но перешел на другую волну. – Не любишь песни о любви? – полезла я с вопросами.

– Такие – нет, – ответил он.

– Красивая песня, – не унималась я, хотя и была уверена: тему он сочтет исчерпанной и ничего не ответит.

Но Владан неожиданно продолжил:

– Если человек нуждается в любви, для начала стоит завязать с нытьем и с кем-нибудь трахнуть. Вдруг это станет первым удачным шагом на пути к мечте?

– О, Господи, – покачала я головой. Впрочем, сама напросилась. И вдруг подумала: несмотря на явный цинизм подобного заявления, в нем таки содержится некая правда. Взять меня, к примеру. Что толку от моих переживаний? Год прошел, а я чувствую себя даже хуже, хотя давно надо бы успокоиться... – Ты прав, лучше послушать что-нибудь оптимистичное.

– Предлагаю поужинать, – кивнул Владан, чем несказанно удивил.

– А наше расследование?

– До одиннадцати время есть. Кстати, хочу предупредить: поиски злодеев – жуткая рутина. Пристаешь к людям с вопросами, тратишь время на ожидание... между тем, ты могла бы провести его с пользой.

– Просто я веду себя как дура, и ты хочешь от меня избавиться.

– Чересчур самокритично. Почему вдруг дура?

– Потому что лезу с дурацкими вопросами, взять хоть эту песню...

– Да я совсем не против поболтать, – пожал он плечами. – И твое присутствие меня не раздражает. Я думал, тебя раздражает мое.

– Нет, – сказала я с излишней поспешностью и смутилась.

И вновь подумала о его недавних словах по поводу песни, а еще вспомнила историю, рассказанную Юркой. Что, если Владан просто прячется под маской циника, все еще оплакивая свою любовь? Ну, вот, опять начинаю фантазировать. Такие, как он, вовсе не способны влюбиться, а Юркина история просто чушь. Такие, как он? Что я о нем знаю? Он на редкость терпелив со мной, мог бы уже давно поставить меня на место... Я его клиент, и он считает, что обязан быть вежливым? При этом ему ничто не мешает мысленно обзывать меня дурой.

Мы успели уже довольно далеко удалиться от центра и вскоре тормозили возле здания с вывеской на фасаде «Кафе «Дубровник».

– Кухня здесь отличная, – сказал Владан, выходя из машины.

В кафе было многолюдно, почти все столики заняты. Нас встретила девушка-администратор, по тому, как она разговаривала с Владаном, стало понятно: он здесь частый гость. Не успели мы устроиться за столом, как в зале появился мужчина и направился в нашу сторону, раскинув руки и широко улыбаясь. Лет сорока, среднего роста, с темными волосами, начавшими редеть, и бородкой клиньюшком. Одет в брюки и голубую рубашку, она с трудом сходилась на довольно внушительном животе. Стоило один раз взглянуть на мужчину, и становилось ясно: он добряк и любитель хорошо поесть. Владан, увидев его, поднялся навстречу. Мужчины обнялись и расцеловались.

– Рад тебя видеть, брат, – сказал мужчина, по-русски он говорил с заметным акцентом.

Я попыталась обнаружить в них сходство, но они во всем являлись полной противоположностью друг другу. Так что обращение «брат», скорее всего, просто демонстрация дружеских чувств.

– Здравствуй, Тарик, – ответил Владан.

Тот кивнул в мою сторону и заговорил по-сербски, то есть я решила, что по-сербски,

приняв во внимание название кафе, хозяином которого он наверняка являлся. Владан ответил ему на том же языке. Сколько я ни вслушивалась, но мало что поняла, хотя догадывалась, речь идет обо мне.

– Это невежливо, – заметила я довольно резко.

Тарик выставил вперед ладони и сказал:

– Прости. Хочется иногда поговорить на родном языке. Сейчас принесу наше фирменное блюдо. Уверен, ты такого еще никогда не кушала.

Тарик удалился, а я спросила:

– Он из Хорватии?

– Из Боснии.

– Тогда почему кафе называется «Дубровник»?

– Понятия не имею, спроси у Тарика.

– Тарик – имя какое-то восточное? – вновь полезла я с расспросами.

– Он – босниец. Мусульманин.

– А ты откуда? То есть, я хотела сказать, твой отец?

– Тоже из Боснии.

– Значит, вы земляки?

– Можно сказать и так, – усмехнулся Владан. – Тарик – босниец, а я боснийский серб.

Для вас разница небольшая, для нас – существенная.

– Но он назвал тебя братом, – заметила я.

– Это мы там воевали, – сделал он неопределенный жест рукой. – А здесь нам делить нечего. Он лет десять живет в России, на родном языке поговорить приятно, а во всем городе нас только двое.

– Поэтому вы дружите?

– Не только. Он хороший человек. Но это не значит, что, оказавшись там, мы опять не начнем воевать.

– Хороший человек, но со своей правдой?

– Примерно так.

– А твои родители, где они? Здесь или...

– Остались там.

– Живут в Боснии?

– Не живут, – отрезал он.

Я посмотрела с недоумением, и только через минуту смысл произнесенных им слов дошел до меня. На счастье, вернулся Тарик с подносом в руках, расставил тарелки и сел ужинать с нами.

– Попробуй вино, – предложил он. – Из дома прислали.

– Я за рулем. А Полина, надеюсь, тебе компанию составит.

Я увлеченно жевала, не уставая нахваливать вино и таланты повара, наверное, слишком рьяно. При этом избегала смотреть на Владана, чувствуя неловкость и пытаясь отвлечься от нашего недавнего разговора и его последних слов. Тарик кивал и улыбался, когда тарелки опустели и подошедшая официантка забрала их, он разлил остатки вина в бокалы, а Владан сказал:

– У меня к тебе разговор.

– Только говорите по-русски, – предупредила я.

– Серьезная девушка, – засмеялся Тарик. – Что за разговор?

– Меня интересует Флинт. Один человек намекнул, что Бад им не очень-то доволен. Ничего такого не слышал?

Тарик выразительно взглянул на меня, но Владан вроде бы не заметил этого взгляда, спокойно ждал ответа. Тарик осмотрелся, словно хотел убедиться, что никто нас не слышит, и заговорил, понизив голос:

– Не похоже, что они повздорили. Но... прошел слух, что зимой кто-то увел у них товар. На кругленькую сумму. Ты знаешь, Бад такого не прощает, поэтому Флинт носом землю роет, чтобы найти нахала.

– И кто им предположительно может быть?

Тарик пожал плечами:

– Флинт многое бы отдал за один намек на его имя.

– Ты говоришь, это случилось зимой?

– Примерно полгода назад. По крайней мере, тогда возникли эти слухи. Поначалу Бад был уверен, что товар вместе с деньгами, которые он надеялся за него выручить, оказался у ментов. Но... – Тарик развел руками.

– Так, может, менты и забрали, поделили между собой, начальству не докладывая.

– Возможно, и Бад бы так решил, но дружки, которых у него в полиции немало, заверили: никто из их товарищей не разбогател. Мало того, появились менты в нужное время и в нужном месте не просто так...

– То есть кто-то из своих сообщил им о сделке и добро под шумок увел?

– Свои или нет – судить не берусь. Но в том, что Бад хитрецов, в конце концов, найдет, не сомневаюсь. И в назидание другим спустит с них шкуру.

– Вот этого типа случайно не видел? – спросил Владан, положив на стол фотографию Сергея.

Тарик с минуту вертел ее в руках.

– Нет, – покачал головой. – Никогда.

Владан кивнул, убирая фотографию.

– Еще один вопрос, – сказал с улыбкой. – Полина интересуется, почему ты назвал кафе «Дубровник».

Тарик засмеялся:

– Сейчас много русских отдыхает в Хорватии... в общем, это такой хитрый ход... Как видите, мое заведение пользуется популярностью, – оглядывая зал, не без гордости добавил он. – Как вам, нравится?

– Очень уютно, – похвалила я.

– Приходите. Всегда рад вас видеть.

Допив вино, мы вскоре простились с хозяином. Денег с нас опять не взяли.

– Кто такой Бад? – задала я вопрос, когда мы направились к машине.

Владан пожал плечами:

– Владелец трех или четырех ночных клубов. Это официально. Думаю, он много что успел к рукам прибрать.

– Речь шла о наркотиках, я правильно поняла?

– Правильно. На этом он и сделал свое состояние. А теперь вкладывает бабки в легальный бизнес...

– Но если о его деятельности известно, почему...

– Это вопрос не ко мне, – перебил Владан.

– Бад – это, конечно, кличка?

– Начальные буквы фамилии, имени и отчества. Он осторожен, сам руки пачкать не любит, для этого есть такие, как Флинт. Себя предпочитает именовать бизнесменом.

– Тарик с ним знаком?

– Сомневаюсь. К Тарику заходят разные люди, он привык держать рот на замке, а уши открытыми. О том, что происходит в этом городе, он осведомлен лучше меня.

Владан завел машину, и мы опять поехали в центр. Парковка перед клубом «Лолита» оказалась забита до отказа, но для нас место нашлось.

– Клуб принадлежит Бадю? – спросила я.

– Да, но вряд ли мы его встретим. Говорят, здесь он появляется нечасто. У него есть офис, где-то на Петровской. Скромный, без вывески...

– Совсем как у тебя... – Я поймала его взгляд и покраснела от досады. – Извини, я не имела в виду ничего такого...

Миновав охрану, мы оказались в большом зале, а я придвинулась ближе к Владану, машинально ухватив его за руку: находясь в толпе, я всегда испытывала беспокойство. Мы прошли к бару и устроились возле стойки, откуда наблюдали за происходящим. Владан заказал мне коктейль, себе взял минералки, взглянув с сомнением на бутылку виски в руках бармена. Едва заметно поморщился, сел к бармену спиной, сделал пару глотков из своего стакана и принялся вертеть его в руках. Прошло минут двадцать, я начала томиться, то и дело поглядывая на часы. С вопросами я лезть поостереглась, да и невозможно было разговаривать в этом месте: громкая музыка, гомон голосов, и над всем этим всполохи нестерпимо яркого света. Очень скоро у меня разболелась голова, потянуло на воздух. Я покосилась на Владана, он сидел со скучающим видом, продолжал вертеть стакан в руке.

– А если он сегодня не появится? – спросила я.

– Тогда придется заглянуть сюда завтра.

Нужный нам человек все-таки появился, ближе к полуночи.

– Ну, вот и он, – произнес Владан, скорее подумал вслух.

Я проследила за его взглядом и увидела молодого мужчину в темной рубашке, он прошел в двух метрах от бара, посмотрел на Владана и кивнул, после чего затерялся в толпе, но вскоре опять появился.

– Иди, погуляй, красавица, – сказал девушке, сидевшей рядом с Владаном, но с другой стороны, та взглянула недовольно, собралась что-то ответить, внезапно передумала и ушла, прихватив с собой недопитый коктейль. – Решил отдохнуть? – спросил мужчина, устраиваясь на ее месте и поворачиваясь к Владану.

– Тебя жду, – ответил тот, продолжая смотреть на танцующих.

– Девушка с тобой? – кивнул он на меня и усмехнулся.

– Это моя клиентка. Давай-ка выйдем.

К моему облегчению, мы отправились на улицу, мужчина, чуть поотстав, следовал за нами. Остановились в нескольких шагах от парковки, ожидая, когда он к нам присоединится.

– Лучше поговорить в машине, – заметил мужчина, подходя ближе.

Через минуту мы сидели в машине Владана, я впереди, а они устроились на сиденье сзади. Владан достал фотографию Вериного приятеля.

– Знаешь его?

– Само собой, – кивнул тот. – Серега Беленький. А тебе он зачем?

Владан вопроса словно не услышал. Мужчина вздохнул и вернул фотографию.

– Девушка его ищет? Зря... такой девушке он не пара.

– Не знаю, как ты, а я в это время предпочитаю спать, – произнес Владан. – Будь добр, не трать мое время...

– Да я просто... у него была девчонка, вроде на телевидении работала. Вот уж загадка, где он ее подцепил.

– Ты ее видел?

– Нет. Оттого и решил, что она и есть твоя клиентка. – Он перегнулся ко мне и сказал: – Меня Игорь зовут. Очень извиняюсь, если вас обидел ненароком.

– Где сейчас Серега, знаешь? – спросил Владан.

– Нет, конечно. Он в бегах уже полгода.

– Расскажи-ка об этом.

Игорь вновь вздохнул, покосившись на Владана.

– Серега – парень мутный. От таких можно ждать что угодно. Работал на Флинта, а тот сам знаешь на кого. А потом сбежал. И болтают, что не с пустыми руками.

– О том, что Бад бабла лишился, я слышал. А с какого бока там этот Серега?

– Так он как раз и... короче, пропали большие деньги, товар тоже пропал. Его должен был получить Савва. Савва Плотников, слышал о таком?

– Нет.

– А зря.

– Да? Назови причину, по которой мне следовало бы его знать?

– Серьезный мужик, – после некоторой паузы ответил Игорь, смешавшись. – Они с Бадом давно дела крутят. Короче, и он, и Бад лишились кровных, потому что вдруг появились менты и парней повязали.

[Купить полную версию книги](#)